

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#2 2022 (53)

Учредитель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия

Р.Г. Минзаринов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор

В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор

А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор

А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор

М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор

Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор

Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент

А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор

Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор

Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор

М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Акбашева А.А. ПРАКТИКИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	4
Аль-Халеди Мухьялдин М.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ПУТЕЙ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЙЕМЕНЕ.....	8
Бадаева Н.Н., Косых О.И. ГОД НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИННОВАЦИОННУЮ СРЕДУ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА)	12
Бочарникова И.С., Тырнова Н.А. ОЦЕНКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	16
Галиева Э.Р. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНАРИИ	23
Ершов А.Н., Панченко О.Л. КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	29
Ефлова М.Ю., Максимова О.А. СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ	36
Лещенко Л.А. СТРАШИЙ ВОЗРАСТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	42
Салкова Е.К., Хайруллина Ю.Р. РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ	48
Шамсутдинова И.И. СТАТУС И РОЛЬ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ОЦЕНКАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	52

Akbasheva A.A. PRACTIES OF A HEALTHY LIFESTYLE IN MODERN URBAN SPACE (ON THE EXAMPLE OF KAZAN OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)	4
Al-Khaledi Moohialdin M.A. CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE ANALYSIS OF NARCOTISATION OF THE POPULATION OF YEMEN AND THE WAYS TO OVERCOME IT	8
Badaeva N.N., Kosykh O.I. THE YEAR OF SCIENCE AND TECHNOLOGY AS A WAY TO INVOLVE YOUNG PEOPLE IN THE INNOVATIVE ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW AVIATION INSTITUTE).....	12
Bocharnikova I., Tyrnova N. ASSESSMENT OF CORRUPTION MANIFESTATIONS IN AUTHORITIES: SOCIOLOGICAL ASPECT.....	16
Galieva E.R. REPRODUCTIVE BEHAVIOR: THEORETICAL APPROACHES AND MODERN SCENARIOS.....	23
Ershov A.N., Panchenko O.L. QUALITY OF SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION IN THE ERA OF TRANSFORMATION: REGIONAL ASPECT	29
Eflova M.Yu., Maximova O.A. SOCIAL EXCLUSION IN THE CONTEXT OF THE NEW NORMAL: CONCEPTUALIZATION OF THE APPROACH TO RESEARCH	36
Leshchenko L.A. INFLUENCE OF STATE TRANSFORMATIONS ON PERCEPTIONS AND AGE PERIODIZATION ABOUT OLDER PERSONS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS	42
Salkova E.K., Khayrullina Yu.R. THE ROLE OF CREATIVE SPACES IN THE SOCIALIZATION OF YOUTH IN MODERN DOMESTIC CONDITIONS.....	48
Shamsutdinova I.I. STATUS AND ROLE OF HIGHER SCHOOL TEACHER IN ASSESSMENTS OF TEACHERS AND STUDENTS IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS	52

ПРАКТИКИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.4-7

Аннотация. В статье рассматриваются сценарии и практики здорового образа жизни в современном городском пространстве, представлены результаты авторского социологического исследования, проведенного с целью выявления мнения горожан (на примере г. Казани Республики Татарстан) о наиболее распространенных практиках здорового образа жизни в городском пространстве. Для этого в марте – июне 2021 года был проведен анкетный опрос с использованием статистических методов обработки для получения количественных характеристик проблемы, а также – вторичный анализ социологических данных из различных источников. Для получения более подробной информации и экспертной точки зрения в данном вопросе были проведены ряд экспертных интервью с использованием метода полуструктурированного интервью.

Результаты полученных данных эмпирического исследования указывают на актуальность противоречия в понимании городскими жителями основных элементов и принципов здорового образа жизни и реальных практик для поддержания активного образа жизни и укрепления здоровья в городском пространстве. Имея достаточно ёмкую теоретическую базу относительно ведения здорового образа жизни и понимая его положительный эффект, городские жители, тем не менее, не реализуют эти знания в полной мере на практике. Определяющими факторами этого феномена являются недостаточное количество свободного времени, финансов и личной мотивации.

Ключевые слова: городское пространство, здоровый образ жизни, практики здорового образа жизни, здоровье, самооценка здоровья, социология города, социология здоровья.

В связи с интенсивным развитием городов, формированием городских агломераций и возникновением «городов-миллионников» стала актуальной задача поиска новых способов сохранения и укрепления здоровья городских жителей, подверженных ежедневному воздействию различных факторов риска. К ним относятся внешнесредовые (загрязнение атмосферного воздуха токсичными выбросами автотранспорта, шумовое загрязнение городской среды, загрязнение питьевой воды промышленными сточными водами) и социальные (атомизация городского сообщества, доминанта «обезличенного» взаимодействия горожан, высокий уровень социального неравенства, преимущественно сидячий образ жизни) факторы. Негативно на здоровье городского населения сказывается архитектура современных городов – низкий уровень озеленения новых районов, типовая застройка, множественность одинаковых повторяющихся элементов (например, окон и балконы многоэтажных домов) [1].

Автором была поставлена задача – выявить представления жителей города Казани Республики Татарстан о здоровом образе жизни, а также провести анализ наиболее распространенных практик здорового образа жизни в современном городском пространстве, опираясь на результаты социологического исследования. С целью получить информацию, отражающую реальные практики включения и реализации программ здорового образа жизни в г. Казани, а также выявления степени и характера воздействия городской среды на здоровье и здоровый образ жизни городских жителей, в марте – июне 2021 года было проведено исследование – анкетный опрос с использованием статистических методов обработки для получения количественных характеристик проблемы, а также – вторичный анализ социологических данных из различных источников [2, 3, 4, 5]. Для реализации данного исследования была сконструирована выборка (случайный бесповторный опрос), репрезентирующая жителей г. Казани (с 18 лет)

в количественном и качественном отношении. Объем выборочной совокупности составил 700 человек, в том числе 230 мужчин, 470 женщин. Также для получения более подробной информации и экспертной точки зрения в данном вопросе были проведены ряд экспертных интервью с использованием метода полуструктурированного интервью (7 человек).

С целью решения указанной выше задачи автором было проанализировано отношение горожан к собственному здоровью. Отношением к здоровью мы будем считать оценку городских жителей своего здоровья, определенные действия направленные на изменение состояния здоровья, в том числе практики здорового образа жизни и степень осознания ценности здоровья в настоящем и будущем.

Анализ индивидом собственного физического и психического состояния будет подразумевать в нашем исследовании понятие «самооценки здоровья». Именно самооценка здоровья считается своего рода показателем настоящего поведения индивида. Исследователи рассматривают самооценку здоровья как реальный показатель существующего положения здоровья индивида, поскольку «обнаружена довольно высокая степень соответствия самооценки и объективной характеристики здоровья (до 80%), выявленная в результате сравнения самооценок и данных медицинских карт» [6].

Согласно данным авторского исследования более половины горожан (52,4 %) оценивают состояние своего здоровья как хорошее, 7,6% – как отличное. Каждый третий городской житель сообщил, что его состояние здоровья удовлетворительное. Незначительная доля (в целом 7,9%) опрошенных сообщило о слабом или очень слабом здоровье.

Отвечая на вопрос: «Заботитесь ли вы о своем здоровье?» среди жителей города процент тех, кто проявляет заботу о себе и своем здоровье оказался очень высок (22,7%). Высокая доля горожан, заботящихся о своем здоровье и о себе, на наш взгляд, обусловлена обеспеченностью окружающей городской среды для занятий физической культурой и спортом, наличием у определенных категорий населения льгот при посещении учреждений для реабилитации, спорта и оздоровления, а также систематическим контролем состояния здоровья путем плановых осмотров в медицинских учреждениях.

Аналогичное количество городских жителей (22,1%) высказали мнение в пользу варианта «скорее нет». В большинстве своем, причиной по которой население города Казани не заботится о своем здоровье, по мнению автора, является нехватка времени, занятость на работе и загруженность во время обучения у студентов.

Для того, чтобы выявить социальные установки горожан относительно здорового образа жизни в анкете был предусмотрен вопрос предполагающий, что его участники вы-

скажут свою точку зрения относительно значения понятия «здоровый образ жизни». Абсолютное большинство респондентов выделило четыре значимые составляющие здорового образа жизни: правильное (сбалансированное) питание (контроль качества и количества потребляемой пищи и пр.) (89,9%), занятия физической культурой и спортом в зависимости от индивидуальных особенностей организма (87,4%), следование режиму сна (80,5%) и отказ от употребления алкогольной продукции (70,4%). Немного более 60% опрошенных уверены, что здоровый образ жизни не возможен без соблюдения правил личной гигиены (66,2%). Почти все участники опроса (59,3%) выделили в качестве элементов здорового образа жизни следование режиму труда и отдыха (59,3%), положительное отношение к жизни (58,1%) и прохождение профилактических медицинских осмотров на регулярной основе (51,2%); меньшинство – активный отдых (49,1%), навыки управления собственными эмоциями (эмоциональный интеллект) (47,3%).

Респонденты также имели возможность предложить собственный вариант ответа, которым воспользовались 6% жителей города. Горожане отметили, что здоровый образ жизни содержит в себе все вышеперечисленные характеристики и дополнили их следующими: «умение восполнять свои ресурсы, способами, подходящими для меня», «кофе по утрам», а также «умение распознавать свои эмоции, правильно проживать, при необходимости контролировать; отношение к жизни в соответствии с «кругом моего контроля», адекватное отношение». Таким образом, только 6% городских жителей имеют наиболее полное представление относительно понятия «здоровый образ жизни» и оно включает в себя не только занятия физической культурой, сбалансированное питание и отказ от пагубных привычек, но и такие элементы как активный отдых, прохождение медицинских осмотров, следование режиму труда и отдыха, а также развитие эмоционального интеллекта.

Согласно полученным данным исследования большая часть опрошенных городских жителей интересуются вопросами, связанными со здоровьем и здоровым образом жизни (88,3%). Но, несмотря на это, максимальное количество горожан (61,5%) не занимаются поисками специализированной литературы или подобной информации. Каждый десятый участник опроса признался, что ему не интересны вопросы касательно здоровья и здорового образа жизни. Тем не менее, есть респонденты, которые указали, что изучают «статьи авторитетных врачей и специалистов», а также «рассматривают варианты марафонов, где могут изучить все более комплексно». Таким образом, большая часть опрошенных потребляет информацию пассивно, не прилагая усилий к ее получению.

В рамках опроса авторами было выявлено, какие элементы здорового образа жизни присутствуют в образе жи-

ни городских жителей. Выяснилось, что для большей части респондентов (83%) основной составляющей здорового образа жизни является соблюдение правил личной гигиены. На втором месте, по числу ответивших (69,4%) – отказ от курения. Более половины опрошенных (54,2%) выбрали вариант «сбалансированного питания» как элемент здорового образа жизни и отказ от употребления алкогольных напитков. Наиболее популярными также являются такие варианты ответов как: «занятия физическим спортом», «соблюдение питьевого, водного баланса» и «режим сна».

Полученные данные свидетельствуют о том, что не всегда знания горожан о здоровом образе жизни совпадают с их действительным образом жизни.

Далее в рамках анкетирования горожанам был задан вопрос относительно достаточности оснащения городских парков, скверов и дворов для занятий спортом и поддержания здорового образа жизни в целом. Почти половина (46,4%) опрошенных считают, что городская инфраструктура скорее оснащена, чем нет. Менее четверти (13,8%) респондентов уверены в полном оснащении городских парков, скверов и дворов для занятий спортом и поддержания здорового образа жизни. Одна треть (31,7%) опрошенных отметила, что городские парки и дворы скорее не оснащены, оставшаяся часть (8,1%) – уверены в их не оснащённости.

В рамках исследования нами было выявлено какие на сегодняшний день существуют факторы окружающей городской среды (пространства), оказывающие негативное воздействие на физическое, психическое и эмоциональное состояние горожан. Наиболее популярными факторами у городских жителей являются: плохое качество атмосферного воздуха (выхлопные газы, выбросы заводов и фабрик) (75,7%), малоподвижный, преимущественно сидячий образ жизни (68%), шумовое загрязнение (большое количество транспорта и т.д.) (62,2%), плохое качество питьевой воды (53,8%) («Меня не устраивает качество воздуха, его загрязнение. Бывают туманные застои, когда идешь по улице, замечаешь смог. Качество воды также очень плохое. У нас в доме стоит очиститель воды, но и то он не справляется»); «Очень плохое качество продуктов в магазинах. Смотришь на составы, независимо от цены, ничем друг от друга особо не отличаются: сахар на первом месте, остальные позиции Е, которые вредны для организма»; «Негативное воздействие на мое психологическое,

эмоциональное состояние скорее всего больше оказывает шумовое загрязнение»). Менее половины опрошенных считают немаловажными факторами загрязнение почвы и воды и несоблюдение режима труда и отдыха (45,5% и 41,8%, соответственно). И только менее пятой доли (15,7 %) горожан выделили архитектуру города (одинаковая, многоэтажная застройка) как негативный фактор окружающей городской среды. По словам одного из респондентов интервью «современная застройка сейчас, наоборот, она радует глаз, красивые дома. Несмотря на их многоэтажность и близкое расположение друг к другу. Но это никак не влияет на мое психоэмоциональное состояние».

По данным полученным в результате авторского исследования для двух третей респондентов только ухудшение состояния здоровья может стать стимулом к началу ведения здорового и активного образа жизни. Для половины опрошенных горожан (55,7%) таким «катализатором» может стать увеличение массы тела. Для многих горожан факторами, которые могли бы побудить их к занятиям физической активностью, является влияние окружения (друзей, родственников, любимого человека) занимающихся спортом, появление большого количества свободного времени и улучшение финансового положения (возможность приобретения абонемента в фитнес-клуб и т.д.) (41,2%). Менее трети (26,7%) опрошенных полагают, что бесплатные групповые занятия на открытом воздухе могли бы способствовать к ведению здорового образа жизни. Около четверти опрошенных (16,1%) отметили также в числе не менее важных факторов участие в фитнес марафонах, вебинарах, коуч-сессиях и т.п. Мотивация блогера/инфлюенсера может побудить горожан к большей активности в 5,8% случаев.

Таким образом, по-прежнему актуально противоречие в понимании городскими жителями основных элементов и принципов здорового образа жизни и реальных практик для поддержания активного образа жизни и укрепления здоровья в городском пространстве. Имея достаточно ёмкую теоретическую базу относительно ведения здорового образа жизни и понимая положительного эффекта, городские жители, тем не менее, согласно данным опроса, не реализуют эти знания в полной мере на практике. Определяющими факторами этого феномена являются недостаточное количество свободного времени, финансов и личной мотивации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Prokofyeva A.V., Lebedeva-Nesevrya N.A. Creation of health-oriented city space as a way to manage population health risk. *Health Risk Analysis*. – 2018. – No. 3. – Pp. 144–155. DOI:10.21668/health.risk/2018.3.16.eng
2. Демкина Е.П. Формирование здорового образа жизни как фактор повышения качества жизни современного российского студенчества (на материалах Республики Татарстан): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Е.П. Демкина. – Казань, 2016. – 188 с.
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. – М., 2005. – С. 100.
4. Зеленый фитнес: в здоровом теле – здоровый дух [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан. Режим доступа: <http://mdms.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/439260.htm> [дата обращения: 20.08.2021].
5. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
6. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева. – Институт социологии РАН. – М., 2012. – 252 с.

Информация об авторе

Акбашева Альфия Анваровна, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: akbashevaal0208@gmail.com

Akbasheva A.A.

PRACTICES OF A HEALTHY LIFESTYLE IN MODERN URBAN SPACE (ON THE EXAMPLE OF KAZAN OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Abstract. The article deals with the scenarios and practices of healthy lifestyles in modern urban space, presents the results of the author's sociological study conducted to identify the opinions of citizens (on the example of Kazan, Republic of Tatarstan) about the most common practices of healthy lifestyles in urban space.

The results of the empirical study indicate the relevance of contradictions in the understanding of the main elements and principles of a healthy lifestyle and real practices for maintaining an active lifestyle and health promotion in the urban space by urban residents. Having a sufficiently capacious theoretical base concerning healthy lifestyle and understanding its positive effect, urban residents, nevertheless, do not implement this knowledge to the full extent in practice. The determining factors of this phenomenon are the lack of free time, finances and personal motivation.

Keywords: urban space, healthy lifestyle, healthy lifestyle practices, health, self-assessment of health, sociology of the city.

Literature

1. Prokofyeva A.V., Lebedeva-Nesevrya N.A. Creation of health-oriented city space as a way to manage population health risk. *Health Risk Analysis*. – 2018. – No. 3. – Pp. 144–155. DOI:10.21668/health.risk/2018.3.16.eng
2. Demkina E.P. The formation of a healthy lifestyle as a factor in improving the quality of life of modern Russian students (in the Republic of Tatarstan. Materials of the Republic of Tatarstan): diss. Cand. of Sociology: 22.00.04 / E.P. Demkina. – Kazan, 2016. – 188с.
3. Wirth L. Urbanism as a way of life // Wirth L. Selected Works of Sociology. – М., 2005. – С. 100.
4. Green fitness: a healthy body – a healthy spirit [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Youth and Sports of the Republic of Tatarstan. Access mode: <http://mdms.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/439260.htm> (date of reference: 20.08.2021).
5. Giddens, E. Sociology / E. Giddens / Translated from English; scientific ed. Ed. by L.S. Gurieva, L.N. Posilevich. – Moscow: Editorial UrsS, 1999. – 703 с.
6. Students' health: a sociological analysis / Ed. by I.V. Zhuravleva. – Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. – М., 2012. – 252 с.

Author

Alfiya Anvarovna Akbasheva, Assistant Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

e-mail: akbashevaal0208@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ПУТЕЙ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЙЕМЕНЕ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.8-11

Аннотация. В статье рассматриваются российские и зарубежные подходы изучения проблемы наркотизации населения, эволюция взглядов и концепций. Анализируется содержание взглядов различных исследователей, выделяющих факторы, социокультурное пространство наркотизма, ценностные аспекты антинаркотического поведения, различные направления антинаркотической политики, профилактики наркотизации, изучающих содержание неудачной наркополитики, ведущей к социальному исключению потребителей наркотиков. Автор касается также опыта российских эмпирических исследований наркотизации населения, который наряду с теоретическими разработками актуален для применения в качестве методологии и методики исследования проблемы наркотизации в Йемене.

Ключевые слова: наркотизация населения, социальная эксклюзия/ инклюзия, практики наркопотребления, антинаркотическое поведение

Проблема наркотизации населения является актуальной социальной проблемой мирового масштаба, но в Йемене она имеет серьезную специфику в силу особенностей истории и культуры данной страны. С одной стороны, это мусульманская страна с вековой историей, традиционной культурой, часто сельскохозяйственным укладом жизни, где присутствует употребление слабых наркотиков растительного происхождения (катожевание) всеми взрослыми слоями населения, что не считается преступлением в рамках обыденного общественного сознания. С другой стороны, в стране долгие годы тянется военно-политическое противостояние регионов, процессы глобализации, урбанизации и взрывного демографического роста, что сопровождается обнищанием населения, маргинализацией, особенно молодежи. Это ведет к обострению социально-экономических проблем, в том числе и наркотизации населения всеми типами наркотиков, появлению детей наркоманов, ухудшению здоровья нации.

В Йемене проблема наркотизма и противодействия наркопотреблению на теоретическом и прикладном уровне почти не изучена, в силу ее латентности и исторических особенностей страны, ее современного сложного социально-экономического и политического положения. Это делает актуальным применение существующих россий-

ских наработок для анализа наркотизации населения Йемена, осмысления ее специфики и путей преодоления. Существует обширная научная литература по проблеме наркотизации, рассматривающая теоретические подходы анализа данного феномена, разнообразные российские и мировые практики наркотизации населения, направления противодействия и опыт социальной инклюзии депривированных групп.

В мировом контексте данная проблема имеет длительную историю изучения с позиций различных наук: медицины, психологии, права, экономики и политологии, а также социологии. В зарубежной науке, наркоманию и наркотизацию с позиций социологии рассматривали А. Линдесмит, Э.М. Шур [1,2]. Российские ученые изучают различные аспекты наркотизации и процессы социального включения депривированных групп, в том числе на уровне регионального социума (Я.И. Гишинский, М.Ю. Ефлова, П.А. Мейлахс, А.А. Салагаев,) [3,4,5, 6].

Социальные факторы наркотизма впервые с позиций социологии комплексно начал анализировать А.А. Габини. Он и другие исследователи [7,8] (А.Я. Гришко и др.), рассматривают роль социокультурного пространства, его характеристики, детерминанты наркотизации населения, отдельных социальных групп. Так, например, разрабаты-

ется ценностный подход к выбору подростками антинаркотического поведения, сознательной реализации здорового образа жизни, построению соответствующей антинаркотической деятельности, направленной на тренировку навыков противостояния, избегания наркотических практик.

В дальнейшем ценностные аспекты антинаркотического поведения, роль социокультурного пространства анализируются более углубленно с теоретической и прикладной точек зрения, рассматриваются факторы наркотизации, условия, влияющие на практики наркопотребления и выделяются основные детерминанты наркотизации в современных условиях и предпочтительные антинаркотические стратегии. Особо в этом контексте необходимо отметить исследования Л.Е. Кесельмана, М.Г. Мацкевич, которые подчеркивают необходимость вести профилактику наркотизма в ходе социализации личности, становления ее ценностно-нормативной структуры, под влиянием семьи и других социальных институтов [9]. Рассматривая социальные координаты и механизм российского наркотизма, они выдвигают в качестве антинаркотической установки, продуктивной для воздействия на молодого человека, не столько внушение негативных представлений о наркотиках, а формирование позитивных приоритетов, направленных на реализацию долговременной жизненной программы, на основе профессиональной ориентации. То есть, препятствием для новых волн наркотизации выступает не только доступность наркотических средств для субъекта или ее отсутствие, а особенность ценностного сознания, прежде всего молодежи, или всего населения.

Среди факторов противодействия наркотизации есть работы, анализирующие роль социальных институтов – школы, семьи, молодежной субкультуры (Е.А. Иванова, С.А. Фролов) [10]. В них рассматриваются проблемы профилактики наркомании в школе, взаимодействия роли микросреды пребывания подростка и образовательного учреждения, изменения понимания содержания и методов, применяемых в современных социальных и информационных условиях антинаркотических программ, взаимодействия учителей и родительского сообщества.

Наряду с подходом изучения различных аспектов антинаркотической политики, профилактики факторов наркотизации складывается подход осмысления опыта неудачной наркополитики, приводящей к социальному исключению потребителей наркотиков (Ф.Э. Шереги, П.А. Мейлахс, Я.И. Гилинский) [11].

Как форма социальной девиации наркотизм рассматривается Я.И. Гилинским, Я.Ф. Костюковским [12, 13]. Наркотизм как девиантное поведение, в том числе на материалах российских регионов, представлен, например, в работах М.Ю. Ефловой, Ю.Ю. Комлева [14, 15].

Наряду с теоретическими работами расширяется проведение массовых социологических исследований для получения адекватной информации о пространстве и трендах наркотизации населения, особенно молодежи, по аналогии с реализующимся четверть века в США общенациональным проектом «Мониторинг будущего». В его рамках ежегодно опрашивается 45 тыс. учащихся старших классов в сотнях школ по всей стране [16].

В России исследования в режиме мониторинга в общенациональном масштабе только намечаются, но реализованные исследовательские проекты в ряде регионов позволили выявить как общий уровень приобщения к наркотикам, так и его специфику в различных социальных группах [17].

Так, например, в Санкт-Петербурге при общем показателе наркотизации в 18,5%, у мужчин он составил 28,5%, а у женщин – 10,5%, то есть примерно втрое меньше (в Самарской области при общем показателе 13,5% у мужчин он составлял 22,7%, а у женщин – лишь 6,3%, т.е. почти вчетверо меньше). Если коснуться показателей наиболее приобщенного поколения, в Санкт-Петербурге у мужчин в возрасте до 25 лет этот показатель 70%, а у женщин данного возраста составляет 25–30% (в Самаре соответственно 43% и 16,5%).

Молодежь до 30 лет составляет четыре пятых (79%) от актуальных потребителей наркотиков, тех, кто в рамках своего образа жизни демонстрирует более или менее регулярное употребление в немедицинских целях тех или иных наркотических средств. Те, кто моложе 25 лет, составляют три пятых (59%) от актуальных потребителей запрещенных веществ. Почти половина данного поколения (люди моложе 25 лет) имели единичные их пробы. Полученный показатель соотносим и соответствует данным, регистрируемым ежегодно в течение двадцати пяти лет общенациональным исследованием «Мониторинг будущего» (Monitoring the Future Study), у выпускников средних школ Соединенных Штатов. Среди американских выпускников количество, хотя бы однажды пробовавших наркотики, изменяясь в период с 1975 г. в пределах между 41 % (в 1992) и 65,5% (в 1981), составляло в 2000 г. 54% [18].

Данные исследования актуальны не только в эмпирическом, но и в методологическом плане, так как позволяют выявить основные факторы наркотизации отдельных групп населения, определить их детерминанты, выделить совокупность показателей для изучения ее динамики, которые нуждаются в серьезном дополнении, по сравнению с отечественными экономическими и социокультурными условиями советского периода.

Итак, кратко рассмотрев эволюцию взглядов на наркотизацию в исследованиях зарубежных и российских авторов, отметим превращение наркотизма в социальную

проблему, в следствии роста наркомании в мире и отдельных странах; расширения ее негативных социальных последствий; появления значимых депривированных групп; изменения структуры, форм деятельности социальных институтов, противодействующих наркотизации.

Особенностью социологического подхода выступает комплексность анализа наркотизации, охватывающей: изучение девиантных практик наркопотребления, первичного

(семья, малая группа, микросреда), вторичного социального окружения; социальных институтов, осуществляющих социальную инклюзию, ресоциализацию депривированных групп. Именно подобный системный подход, базирующийся на методологии совокупности концепций и теорий продуктивен для теоретического и эмпирического осмысления проблемы наркотизации в Йемене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lindesmith, A.R. The Addict and the Law. – Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1965. – P. 337.
2. Edwin M. Schur. Crimes without Victims-Deviant Behavior and Public Policy: Abortion, Homosexuality, Drug Addiction (Spectrum Books). – Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall. 1965. – P.180.
3. Гишинский Я. Социология девиантности: новеллы и перспективы // Социологические исследования. 2009. – № 8. – С. 70–73.
4. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия ВИЧ-инфицированных и в России // Вестник Военного университета. 2011. – № 3 (27). – С. 129–134.
5. Мейлахс П.А. Человек наркозависимый: свободный преступник или больной раб? Анатомия криминального и медицинского дискурсов наркомании. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/577/700/1219/Narkomaniya_v_med_i_krimVT mejlahs_2.pdf (дата обращения 14.03.2022)
6. Салагаев, А.А. Наркотизация молодежи в группах риска: от изучения к профилактике / А.А. Салагаев, А.В. Шашкин. – М.: Московский городской фонд поддержки школьного книгоиздания, 2006. – 118 с.
7. Габияни А.А. Наркотики в среде учащейся молодежи // Социологические исследования. – 1990. – № 9. – С. 84–91.
8. Гришко А.Я. О наркомании среди подростков // Социологические исследования. – 1990. – № 2. – С. 100–102.
9. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Слепое противостояние наркотикам неэффективно // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Том V. – № 4. – С. 100–111.
10. Иванова Е.А. Семья наркомана. Типы семей с повышенным риском формирования наркозависимой личности / Е.А. Иванова, С.А. Фролов // Вестник Моск. ун-та, Сер. 18. Социология – 2002. – № 1.
11. Шереги Ф.Э. Наркотизация в молодежной среде структура, тенденции, профилактика (социологический анализ) / Ф.Э. Шереги, А.И. Арефьев. – М.: ЦСП. 2003. – 600 с.
12. Гишинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью. – СПб., 1998.
13. Костюковский Я.Ф. Социальный контроль и организованная преступность / Я. Костюковский // Социальный контроль над девиантностью. – СПб., 1998.
14. Ефлова М.Ю. Наркомания и наркотизм в Республике Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2015. – № 2 – С. 201–204.
15. Комлев Ю.Ю. От социологического изучения феномена к обновлению антинаркотических практик // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 95–100.
16. Bachman J.G., Wadsworth K.N., O'Malley P.M., Johnston L.D., Schulenberg J. Smoking, drinking, and drug use in young adulthood: The impacts of new freedoms and new responsibilities. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
17. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. – СПб.: Медицинская пресса, 2001. – С. 38–44.
18. Johnston L.D., O'Malley P.M., Bachman J.G. National survey. – Указ. Соч. – P. 94, 97// www.monitoringthefuture.org. (дата обращения 14.03.2022)

Информация об авторе

Аль-Халеди Мухьялдин Мохаммед Ахмед, аспирант кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.

E-mail: mohi3011@hotmail.com

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE ANALYSIS OF NARCOTISATION OF THE POPULATION
OF YEMEN AND THE WAYS TO OVERCOME IT

Abstract. The article discusses Russian and foreign approaches to studying the problem of drug addiction of the population, the evolution of views and concepts. The content of the views of various researchers is analyzed, highlighting the factors, the socio-cultural space of drug addiction, the value aspects of anti-drug behavior, various areas of anti-drug policy, drug prevention, studying the content of unsuccessful drug policy leading to the social exclusion of drug users. The author also touches upon the experience of Russian empirical studies of the drug addiction of the population, which, along with theoretical developments, is relevant for use as a methodology and system for studying the problem of drug addiction in Yemen.

Keywords: narcotization of the population, social exclusion / inclusion, drug use practices, anti-drug behavior

Literature

1. Lindesmith, A.R. The Addict and the Law. – Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1965. – P. 337.
2. Edwin M. Schur. Crimes without Victims-Deviant Behavior and Public Policy: Abortion, Homosexuality, Drug Addiction (Spectrum Books). – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall. 1965. – P.180.
3. Gilinsky Ya. Sociology of deviance: short stories and perspectives // Sociological research. – 2009. – No. 8. – P. 70–73.
4. Eflava M.Yu. Social exclusion of HIV-infected people in Russia as well // Bulletin of the Military University. 2011 – No. 3 (27) – S. 129–134.
5. Meilakhs P.A. A drug addict: a free criminal or a sick slave? Anatomy of criminal and medical discourses of drug addiction. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/577/700/1219/Narkomaniya_v_med_i_krimVT_mejlaks_2.pdf (Accessed 03/14/2022)
6. Salagaev, A.L. Narcotization of youth in risk groups: from study to prevention / A.L. Salagaev, A.V. Shashkin – M.; Moscow City Foundation for the Support of School Book Publishing, 2006. – 118 p.
7. Gabiani A.A. Drugs among young students // Sociological research. – 1990. – No. 9. – P. 84–91.
8. Grishko A.Ya. On drug addiction among adolescents // Sociological research. – 1990. – N 2. – S. 100–102.
9. Keselman L.E., Matskevich M.G. Blind opposition to drugs is ineffective // Journal of sociology and social anthropology. – 2002. – Volume U. – No. 4. – S. 100–111.
10. Ivanova E.A. The family of a drug addict. Types of families with an increased risk of developing a drug addicted personality / E.A. Ivanova, S.A. Frolov // Vestnik Mosk. un-ta, Ser. 18. Sociology – 2002. – No. 1.
11. Sheregi F.E. Narcotization in the youth environment: structure, trends, prevention (sociological analysis) / F.E. Sheregi, A.Jl. Arefiev. – M.: TsSP. 2003. – 600 s.
12. Gilinsky Ya. Social control over deviance in modern Russia: theory, history, prospects // Social control over deviance. – St. Petersburg, 1998.
13. Kostyukovsky Ya.F. Social control and organized crime / Ya. Kostyukovsky // Social control over deviance. – St. Petersburg, 1998.
14. Eflava M.Yu. Drug addiction and drug abuse in the Republic of Tatarstan // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2015 – No. 2 – S. 201–204.
15. Komlev Yu.Yu. From the sociological study of the phenomenon to the renewal of anti-drug practices. Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2005. – No. 6. – S. 95–100.
16. Bachman J.G., Wadsworth K.N., O'Malley P.M., Johnston L.D., Schulenberg J. Smoking, drinking, and drug use in young adulthood: The impacts of new freedoms and new responsibilities. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
17. Keselman L.E., Matskevich M.G. Social space of drug addiction. St. Petersburg: Medical press, 2001. – S. 38–44.
18. Johnston L.D., O'Malley P.M., Bachman J.G. national survey. – Decree. Op. – R. 94, 97 // www.monitoringthefuture.org. (date of access 14.03.2022)

Author

Moohialdin Mohamed Ahmed Al-Khaledi, PhD Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications.

E-mail: mohi3011@hotmail.com

ГОД НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИННОВАЦИОННУЮ СРЕДУ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА)

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.12-15

Аннотация. Статья посвящена путям вовлечения молодого поколения в инновационную деятельность на примере участия Московского авиационного института в мероприятиях Года науки и технологий, который прошел в 2021 году.

Сегодня главным конкурентным преимуществом в условиях постоянных социальных трансформаций являются знания и способность к инновациям. Именно молодое поколение наиболее всего склонно к инновационной деятельности. Вуз играет особую роль в инновационном поведении молодежи, стимулируя самостоятельную работу студентов, в процессе которой проявляются активность и инициативность личности, раскрывается ее творческий потенциал.

Однако для воспроизводства инновационных функций молодежи одних институциональных условий недостаточно. Важно соотносить усилия высших учебных заведений по привлечению молодежи в инновационную деятельность с реализуемой государственной политикой Российской Федерации.

Год науки и технологий, объявленный президентом России В.В. Путиным в 2021 году, стал для всего вузовского сообщества, в том числе и для Московского Авиационного института, особо важным, поскольку показал множество возможностей для развития науки и технологий, привлечения молодежи к инновационной деятельности.

Мероприятия года, проводимые МАИ, позволили вовлечь в научно-исследовательскую деятельность не только аспирантов и студентов, но и школьников. Участие молодого поколения в жизни страны, с учетом потребностей родного государства, является актуальной задачей развития науки и техники в современной России.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, инновационная деятельность, платформа весового проектирования, киберспортивные состязания, предвуниверсарий МАИ, беспилотные летательные аппараты, 3D-печать, робототехника.

В настоящее время для нашей страны инновационный путь экономического развития считается одной из главных альтернатив зависимости от экспорта природных ресурсов. Это постоянно фиксируется на государственном уровне: экономические программы и форумы, и множество других мероприятий, призванных создавать условия для развития наукоемкого производства в России. В связи с этим меняется и представление о задачах образования, его роли в развитии общества, поскольку инновационная деятельность становится фактором, обеспечивающим стабильный и поступательный экономический рост государства. Движущей силой и мощным ресурсом для инновационного и конкурентоспособного развития российского государства является молодое поколение, обладающее прежде всего такими качествами, как активность и инициативность.

Постоянно увеличивающийся поток информации, наметившаяся тенденция к расширению управленческих функций в профессиональной деятельности, интеллектуализация всех видов труда обусловили изменение требований, предъявляемых обществом к системе высшего профессионального образования в вопросах подготовки будущих специалистов.

Научно-технический прогресс, быстрое внедрение науки во все сферы жизни и производства, требуют от молодого специалиста не только теоретических знаний, но и творческого подхода к решению различного рода задач. Поэтому сегодня, как никогда, приобретают практическую значимость умения выпускника адекватно воспринимать возникающие проблемы в профессиональной области, правильно их оценивать и решать. Молодой специалист должен быстро адаптироваться к новым вызовам, четко

работать с имеющейся информацией: оценивать и оптимально ее использовать, осуществлять поиски недостающей информации. Важно уметь прогнозировать результаты своей деятельности, используя интеллектуальный и творческий потенциал.

Одним из путей повышения интереса к исследовательской деятельности в студенческой среде являются различные инициативы, программы, мероприятия, проведение которых направленно на популяризацию научных знаний и достижений. Важно, чтобы этот комплекс инициатив осуществлялся как на общегосударственном, так и на вузовском уровнях. Вуз выполняет функцию поставщика научных и инженерно-технических специалистов инновационной экономики.

2021 год был объявлен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Годом науки и технологий. Задача Года – привлечь талантливую молодежь в сферу науки и технологий.

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) принимал активное участие во многих мероприятиях Года, ставя задачу вовлечения молодежи в инновационную деятельность.

Одним из ярких событий Года науки и технологий стал фестиваль «Техносреда», на котором Московский авиационный институт показал новинки в области беспилотных летательных аппаратов и робототехники, а также модель многоцелевого самолёта «Байкал», собранного на базе Отраслевого конструкторского бюро экспериментального самолётостроения МАИ. Эта машина призвана заменить легендарный АН-2, или знаменитый «кукурузник». Новый самолет особенно нужен Дальнему Востоку для осуществления межрегиональных перевозок. Тем более, как заявляют его создатели – он очень надежен и экономичен. В настоящее время новый самолет уже прошел сертификацию.

Кроме того, в Год науки и технологий в число ключевых для МАИ вошли работы по проекту еще одного пассажирского самолёта нового поколения, которые проводятся в Научном центре «Сверхзвук». Предполагается, что сверхзвуковой самолет станет более эффективным по экономике и аэродинамике. Кроме того, лайнер будет экологичным: у него низкий шум и звуковой удар, а также практически отсутствуют вредные выбросы. К тому же на Международном авиационно-космическом салоне МАКС-2021 была представлена инновационная разработка МАИ — стенд прототипирования человеко-машинного интерфейса в формате кабины сверхзвукового пассажирского самолёта.

Еще одна новинка от МАИ на авиационно-космическом салоне - платформы весового проектирования. Они будут протестированы совместно с промышленными пар-

тнёрами. Об этом заключено соответствующее соглашение на МАКСе. Все это позволит объединить разрозненное программное обеспечение в сфере контроля авиационной техники.

Наиболее важным событием для МАИ стало включение Вуза в проект «Приоритет-2030» и получение гранта на реализацию программы развития университета. Участие в проекте позволит Московскому авиационному институту расширить сотрудничество с промышленным комплексом, а также привлечь вузовских ученых к новым проектам университета.

Также в Год науки и технологий проводились мероприятия, позволяющие студентам и молодым ученым развивать и продвигать свои идеи и проекты.

В апреле 2021 года в Московском авиационном институте проходили торжественные мероприятия, посвященные к 60-летию первого полёта человека в космос. В День космонавтики 12 апреля университет посетил Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин. Он побывал в учебных лабораториях МАИ, побеседовал со студентами и аспирантами ведущих аэрокосмических университетов страны о перспективах развития авиастроения в России.

20-23 апреля в МАИ на XLVII Международной молодёжной научной конференции «Гагаринские чтения» было представлено более пятисот научных работ студентов, аспирантов, а также молодых ученых и специалистов из России и стран зарубежья. Впервые на конференции состоялось заседание секции «Юный учёный», организованное Московским авиационным институтом для школьников, которые интересуются наукой и технологиями.

В рамках акции «На острие науки», запущенной Координационным советом по делам молодёжи Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, школьники смогли посетить научно-исследовательские лаборатории МАИ. Участники экскурсии познакомились с историей зарождения аэрокосмической отрасли, с достижениями науки и техники. Посетители увидели уникальные образцы гражданских и военных самолётов, узнали о перспективах развития беспилотных летательных аппаратов.

В октябре 2021 года Московский авиационный институт традиционно проводил для учеников 8–11-х классов профиль «Беспилотные авиационные системы» в рамках Национальной технологической олимпиады. Также в октябре МАИ стал центральной тематической площадкой Всероссийского фестиваля НАУКА 0+ по теме «Связанность территорий и освоение пространства». Школьники и их родители посетили различные мастер-классы, побывали в лабораториях и научных центрах МАИ.

Интерактивная программа по направлению беспилотных летательных аппаратов, 3D-печать и робототехника

были представлены Московским авиационным институтом на фестивале в ЦВК «Экспоцентр». Все желающие смогли испытать симулятор полёта на спортивном дроне, посмотреть шоу беспилотников, изучить принцип работы с пластиком на 3D-принтерах, и что особенно важно для будущих абитуриентов – получить информацию о роботехническом направлении подготовки в Вузе.

Победа команды МАИ в международном студенческом киберспортивном турнире «Битва за науку» в дисциплине League of Legends стала блестящим завершением Года науки и технологий в Вузе.

Все мероприятия, проводимые Московским авиационным институтом, показали, что университет сегодня следует новейшим трендам в образовании и поддерживает молодое поколение, которому уже совсем скоро предстоит двигать российскую науку вперед. Участие МАИ в мероприятиях года науки и технологий – яркий пример комплексного подхода к привлечению молодежи

в инновационную деятельность, когда усилия государства и учебного заведения направлены на достижение одной и той же важной цели – вовлечения молодежи в инновационную деятельность.

Год науки и технологий в России для всего вузовского сообщества стал особым и открыл много возможностей для развития научной мысли и технологического прогресса. Количество Вузов, участвовавших в мероприятиях года, вселяет определенный оптимизм.

С завершением Года науки и технологий не заканчивается научная деятельность, проекты продолжают реализовываться. Кроме того, остается еще много разных научных направлений, которые только предстоит развивать, активно вовлекая в них молодежь. Поэтому Год науки и технологий не должен быть разовой акцией, цель которой – разговоры о науке. Он должен стать началом масштабных мероприятий по вовлечению молодежи в инновационную среду.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бадаева Н.Н., Косых О.И. Кафедра Истории: от МАТИ к МАИ //Наше Отечество. Страницы истории: Сборник научных трудов. Выпуск четырнадцатый / Под общ.ред. профессора В.С. Порохни. – М., 2018. – С. 62.
2. Борисова Т. С., Куликов С. Б.. Формирование инновационного поведения молодежи. Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – 8 (123). – С. 47–52.
3. Год науки РФ. <https://minobrnauki.gov.ru/>
4. Васягина Т.Н., Осипова Н.В. Историко-культурный и социальный аспекты становления и развития российского высшего образования в условиях цифровой трансформации // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – N 9 (11). – 2021. – е - ISSN 2658-5561.
5. Лыскова В.Ю. Современные проблемы привлечения молодежи к научно-исследовательской деятельности // Вестник гуманитарных наук. Тамбовский университет. – 2011. – С. 142–147.
6. Погасян М.А. Итоги года науки и технологий. <https://mai.ru/press/news/detail.php?ID=162261>.
7. Шкарубо С.Н. Современное образование и проблема подготовки инженерных кадров для высокотехнологичного производства. – М.: Экономика и управление в машиностроении. – 2017. – № 6. – С. 49–51.

Информация об авторе

Бадаева Нина Николаевна, доцент, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Институт инженерной экономики и гуманитарных наук, кафедра Истории.

E-mail: n_badaeva@mail.ru

Косых Оксана Ивановна, доцент, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Институт инженерной экономики и гуманитарных наук, кафедра Истории.

E-mail: Oksana.i.k@mail.ru

Badaeva N.N., Kosykh O.I.

THE YEAR OF SCIENCE AND TECHNOLOGY AS A WAY TO INVOLVE YOUNG PEOPLE IN THE INNOVATIVE ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW AVIATION INSTITUTE)

Abstract. The article is devoted to ways of involving the younger generation in innovative activities on the example of the participation of the Moscow Aviation Institute in the events of the Year of Science and Technology, which was held in 2021. Today, the main competitive advantage in the context of social transformations is knowledge and the ability to innovate. It is the younger generation that is most inclined to innovate. The university plays a special role in the innovative behavior of young

people, stimulating the independent work of students, during which the activity and initiative of the individual are manifested, its creative potential is revealed. However, institutional conditions alone are not enough to reproduce the innovative functions of young people. It is important to correlate the efforts of higher education institutions to attract young people to innovative activities with the state policy being implemented.

Keywords: scientific and technological progress, innovative activity, weight design platform, esports competitions, MAI pre-university, unmanned aerial vehicles, 3D printing, robotics.

Literature

1. Badaeva N.N., Kosykh O.I. Department of History: from MOTHER to MAI.//Our Fatherland. Pages of history: A collection of scientific papers. The fourteenth issue / Under the general editorship of Professor V.S. Porokhni. – M., 2018. – P. 62.
2. Borisova T. S., Kulikov S. B. Formation of innovative behavior of youth. Bulletin of TSPU (TSPU Bulletin). – 2012. – 8 (123). – Pp. 47–52.
3. The Year of Science of the Russian Federation. – <https://minobrnauki.gov.ru/>
4. Vasyagina T.N., Osipova N.V. Historical, cultural and social aspects of the formation and development of Russian higher education in the context of digital transformation // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – N 9 (11). – 2021, e - ISSN 2658-5561.
5. Lyskova V.Yu. Modern problems of attracting young people to research activities. Bulletin of the Humanities. – Tambov University, 2011, pp.142–147.
6. Pogosyan M.A. Results of the Year of Science and technology. <https://mai.ru/press/news/detail.php?ID=162261>
7. Shkarubo S.N. Modern education and the problem of training engineering personnel for high-tech production. – M.: Economics and Management in mechanical engineering. – 2017.– №. 6. – Pp. 49–51.

Authors

Badaeva Nina Nikolaevna, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Institute of Engineering Economics and Humanities, Department of History.

E-mail: n_badaeva@mail.ru

Kosykh Oksana Ivanovna, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Institute of Engineering Economics and Humanities, Department of History.

E-mail: Oksana.i.k@mail.ru

ОЦЕНКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.16-22

Аннотация. В статье затрагивается тема отношения астраханцев к коррупционной составляющей в жизнедеятельности современного общества и приводится сравнительный анализ данных ФОМ с результатами авторского социологического исследования, полученных путём массового опроса и экспертного интервью. Особое внимание уделено ротации причин взяточничества, где доминирующую позицию занимает желание повысить свое благополучие или решить проблему быстрее через незаконные способы. В статье установлена низкая осведомленность населения о проводимых антикоррупционных мероприятиях в Астраханской области. Мнение региональных респондентов фиксирует недостаточность проводимой политики для борьбы с коррупцией, и одобрение ужесточения мер наказания коррупционерам. Заслуживает внимания исследовательская попытка осмысления противоположных суждений астраханцев о причинности коррупционных проявлений, в частности о законных способах достижения целей и желании дачи взятки для ускорения процесса решения проблем.

Эксперты и жители города Астрахани считают, что основными мерами по снижению коррупционных проявлений является минимизация основных факторов, способствующих коррупции.

Современные механизмы предупреждения и предотвращения коррупционного проявления в органах государственной власти требуют переосмысления действенных мер по его преодолению.

Ключевые слова: коррупция, взятка, общественное мнение, причины распространения коррупции, меры противодействия коррупции.

В современном российском обществе растет уровень недоверия к институтам власти, утрачивается вера в справедливость, тому много причин, но основополагающая – коррупция. Став фактически одним из элементов функционирования государства, неотъемлемой составляющей его взаимоотношений с гражданами, коррупция породила чудовищные диспропорции не только в системе управления и функционирования государственных институтов, но и привела к серьезным сдвигам в сознании граждан. Так же следует отметить, что меры, направленные на искоренение коррупции, не способны выполнять свои функции в полной мере. Таким образом, противодействие коррупции стало в настоящее время важнейшей задачей деятельности государства и общества в целом, а изучение сформированного общественного мнения об этом социальном явлении – мейнстримом в социальных исследованиях.

Коррупционные проявления в органах власти и реакция общества на эти нелегитимные действия находятся в зоне пристального внимания ведущих российских исследовательских и аналитических центров, а также научного

сообщества, специализирующего на этой теме [1, 2, 3]. Например, Н.А. Кузьмин выделяет основные признаки коррупции и на основе этого определяет ее содержание как «совокупность проявлений коррупционных правонарушений и коррупционных преступлений, а также коррупционных рисков как условий и обстоятельств, способствующих их совершению» [4, с. 129]. На основе анализа и систематизации существующих теоретико-методологических подходов к понятию «коррупция» Я.А. Ардельянова «выводит два интегративных подхода: функционально-бихевиористский и институционально-интеракционистский» [5, с. 92]. А.С. Быстрова и М.В. Сильвестрос исследуют коррупцию в публичной сфере, а также на границе между частной и государственной сферами, в области их взаимодействия [6, с. 83].

Проблемы распространения коррупции в органах власти и отношение экспертов и жителей города Астрахани к этим неформальным незаконным практикам стало целью авторского исследования путем опроса и экспертного интервью. Объем выборочной совокупности составил 450 человек в возрасте от 18 до 75 лет (50% мужчин и 50% женщин).

Отбор респондентов был осуществлен квотной методикой, заданными параметрами отбора пропорциональных квот (равных долей) являются пол и возраст, место проживания. А также проведена серия экспертных интервью (N= 5), где специалистами выступили сотрудники Городской Думы муниципального образования «Город Астрахань».

Оценка восприятия астраханцами коррупционных проявлений подтвердила мнение россиян: наиболее коррумпированными сферами жизнедеятельности являются силовые структуры, в частности – полиция, ГИБДД и органы государственной власти.

Первое, что необходимо было установить – это понимание астраханцами понятия «коррупция». Жители города Астрахани подразумевают под коррупцией получение взятки (28,5%), использование должностного положения в личных корыстных целях (24,5%), хищение государственных средств (15,5%). Стоит отметить когортную корреляцию данных, в основе которой прослеживается разноориентированное отношение к терминологической основе понятия коррупция. Так, молодые люди связывают данное явление больше с денежным эквивалентом, в то время, как для старшего поколения коррупция, в первую очередь, это использование своего положения, статуса для достижения своих личных целей.

Эксперты также сошлись во мнении, что коррупция – это взяточничество, злоупотребление властью и мошенничество. Эксперты А и В отметили, что это может быть не только дача взятки, но и «...вымогательство, растрата и отмывание денежных средств». К коррупционным действиям эксперты отнесли дачу и получение денежных средств за определенную услугу. Эксперт Б считает, что «...к коррупционным правонарушениям относятся действия, связанные с незаконным получением привилегий, денежных средств, дорогих подарков...». Эксперт Д относит к данным правонарушением не только получение взятки, но и «...злоупотребление своими должностными полномочиями, использование должностных полномочий в личных интересах, а также в интересах близких людей, доверенных каких-то лиц...». Эксперт Д относит к коррупционным действиям такие нарушения, как судебный подлог и внесение заведомо ложных сведений.

Поскольку для большинства астраханцев «коррупция = взятка», выяснялось, что же такое «взятка». Мужчины определяют её как, денежную сумму (28%) и предметы роскоши, такие как ювелирные изделия, меха, часы, картины (24,5%). Женщины сошлись во мнении с мужчинами, подразумевая под взяткой определенную сумму денег (29,2%). Однако, они считают, что кроме денег, в форме взятки могут выступать в совокупности следующие объекты (26,7%): определенная «услуга», предметы роскоши, автомобиль, квартира, бытовая техника, цветы и сувенирная продукция.

Резюмируя ответы экспертов и жителей г. Астрахани, можно сказать, что коррупция это в первую очередь взяточничество и злоупотребление должностным положением. Одними из главных проявлений коррупции являются получение денежных средств или дорогих подарков, использование своего положения в личных целях или определенная имущественная выгода и судебный подлог.

Процесс взяточничества двусторонний: взяткодатель и взяточник, поэтому особый интерес вызывают ответы на вопрос о том, «приходилось ли респондентам давать взятку?». Три четверти астраханцев взятку давали, при этом прослеживается гендерная зависимость: мужчины (47,4%), чаще дают взятки, чем женщины (30%). Также, при помощи взятки треть мужчин (30,8%) смогли решить свою проблему и только каждой пятой женщине (17,3%) таким образом удалось урегулировать свой вопрос. Скорее всего, это обуславливается психологическими особенностями: женщины больше боятся быть привлеченными к уголовной ответственности.

Рассмотрим случаи в порядке ранжирования, при которых респонденты готовы дать взятку для решения своих проблем. Большинство опрошенных отметили, что смогут дать взятку для положительного решения вопроса (26,3%) или быстрого его разрешения (26,3%). Далее идут следующие суждения: минимизация трудностей при решении проблемы (17,5%); сумма вознаграждения или услуги будет в разумных пределах (10%); должностное лицо отступит от установленных норм (2,5%). Необходимо отметить, что только для 16,3 % опрошенных астраханцев недопустимо давать взятку (деньги, подарок) при любых обстоятельствах. При этом такую же позицию занимают молодые люди от 18 до 25 лет (53,8%) и люди среднего возраста от 36 до 50 лет (46,2%). Можно высказать надежду, что в систему ценностей молодого поколения прочно входят правовые нормы, соблюдение и выполнение которых станет для них жизненно важным.

В задачи исследования включалась возможность выявления отношения к коррупционным действиям и причин, по которым они не были или были совершены. При решении гипотетической ситуации: «Вам предложили взятку для решения определенных вопросов, и Вы их можете решить – назовите причину, по которой Вы отказались бы от получения взятки». Половина опрошенных (51,4%) указали, что решать свои проблемы надо законными способами; четверть (24,3%) респондентов принципиально не стали бы брать взятку; каждый десятый (11,4%) – боязнь уголовного наказания. Небольшое количество (1,4%) смогли бы получить взятку, но не оказалось «удобного случая». Такое распределение ответов подтверждает, что большинство населения откажется от получения «вознаграждения» за определенную услугу в силу своих личных принципов и убеждений.

Эксперты отметили, что им известны случаи коррупционных действий в сфере государственного управления. Респондент А: «... если допустим взять нашу Астраханскую область, мы знаем громкие дела, которые связаны с ветхим аварийным жильем, к примеру, в 2019 году произошло очень много, большое количество арестов». Эксперт Б и Эксперт Д считают, что ко всем этим правонарушениям приводит «жадность чиновников, жадность заинтересованных лиц». Эксперты сошлись во мнении, что боязнь уголовной ответственности, личные принципы, воспитание, общественное порицание, привычка решать проблемы законным путем останавливают большинство астраханцев от совершения того или иного правонарушения. Наказания за данные преступления также являются одним из сдерживающих факторов.

В ходе исследования выявлено мнение об уровне коррупции за последние годы в России по предположениям респондентов без статистических обоснований. Более половины молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет (67,5%) и от 26 до 35 лет (54,3%) отмечают рост коррупционных действий в стране. Однако большинство среди людей среднего возраста (52,8%) считают, что уровень коррупции за последний год не изменился. Мнение старшего поколения разделилось поровну – 45% опрошенных согласны с тем, что уровень коррупционных проявлений увеличился, 45% утверждают, что он неизменен. Итак, по результатам данного вопроса, большая часть населения отмечает рост негативного явления, лишь малая часть (3,3%) утверждают о снижении коррупционных проявлений. Мнение астраханцев зеркально отражает мнения большинства россиян [7, 8].

Также респондентам необходимо было отметить в каких сферах наиболее сильны проявления коррупционных действий. Треть опрошенных (35,5%) выделила сферу государственного управления, 18,2% - Министерство здравоохранения, 17,9% - Министерство образования. Наименее коррумпированной сферой жизнедеятельности астраханцы выделяют Министерство труда и социальной защиты. Рассматривая, непосредственно, структуры и органы управления, респонденты отметили, что наиболее коррумпированными являются: органы государственной власти (31,6%), суды и отделы полиции (24,3%), а также школы, колледжи и ВУЗы (15,3%). Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что на первом месте по распространению коррупции находится государственный аппарат управления. Пока в самом «ядре» государства будет процветать безнаказанность, в остальных сферах жизнедеятельности будет увеличиваться количество нарушений законодательных норм и устоев. Общероссийский мониторинг выстраивает ТОП рейтинг наиболее коррумпированных сфер: медицина (23%), ГИБДД (ГАИ) и полиция (по 16%),

сфера ЖКХ (16%), судебная система и прокуратура (14%). Четверть наших сограждан (24%) убеждена, что во взяточничестве погрязло все общество [7].

Важным параметром при рассмотрении коррупции являются причины ее возникновения и распространения. Большинство экспертов согласилось с тем, что в настоящее время данное явление не только существует в органах власти, но и «еще длительный период будет существовать». Значительная часть экспертов сходится во мнении, что механизмы сдерживания коррупционных проявлений не работоспособны, так как несовершенство современных политических институтов предопределено коррумпированными отношениями внутри самой системы, а проблемы стяжательства и беззакония не декларируются как политически значимые. По мнению экспертов, именно эти институты должны функционировать как механизм укрепления государственности. Среди причин коррупции респонденты называют следующие: низкая заработная плата сотрудников, недостаточный контроль, сложившийся менталитет населения, двусмысленные законы, зависимость граждан от чиновников и монополия государства на определенные услуги. Рассматривая мотивы, которые движут людьми во время совершения коррупционных правонарушений, эксперты выделяют личную выгоду нарушителя. Соответственно, человек, который получает взятку, получит денежное «вознаграждение» или другую услугу. Один из экспертов отметил, что в качестве движущего мотива, назвал безысходное положение человека, когда единственным решением вопроса для него становится дача взятки. Выражая согласие с мнением эксперта, можно предположить, что такое поведение взяточдателей связано с бюрократическими проволочками в решении вопросов и проблем граждан.

Главными причинами распространения коррупции, по мнению астраханцев, является неравенство перед законом (14,3%) и «непрозрачность» системы государственного управления (13,8%). Это говорит о том, что в нашей стране действует малоэффективная система контроля и наказаний. Нередко, в России чиновник использует бюджетные средства в личных интересах, берет взятки и остается безнаказанным длительное время. Опрошенные считают, что низкий уровень участия граждан в контроле над государством (10,3%) и традиция «дарения» подарков (8,9%), может подтолкнуть на коррупционные правонарушения. Некоторые люди привыкли выражать благодарность за проделанную работу не только словами, но и вручением подарка-денег. Особенно часто такую картину можно встретить в системе здравоохранения, когда пациенты благодарят врача или просят предоставить определенную услугу. Респонденты также отмечали неявные причины, такие как незнание или непонимание законов населением (8,5%), нестабильная политическая ситуация в стране (8,5%), низ-

кая оплата служащих (7,8%), экономическая нестабильность (5,4%).

При выявлении представления о предпринимаемых мерах против коррупции, прослеживается зависимость ответов от возраста. В целом (68,6%) значительная часть респондентов (25,3%) подробно осведомлена и (43,3%) что-то слышали о предпринимаемых мерах, но подробностей не знают. Молодое поколение 18-25 лет (32,5%), 36-50 лет (35%) и 51-65 лет (28%) подробно осведомлены о методах борьбы с данным явлением. Однако, небольшая часть респондентов среди старшего поколения (10%) хорошо осведомлены, большинство либо не слышало (40%), что предпринимают для устранения коррупции, либо частично осведомлено (50%). Анализируя результаты по изучаемому вопросу, можно отметить низкую осведомленность населения о методах борьбы с коррупцией.

В современных реалиях, государство предпринимает новые меры, разрабатывает законы, внедряет антикоррупционную политику для борьбы с этим негативным явлением. Действия властей по борьбе с коррупцией становятся для россиян все более заметными. О позитивных результатах работы в этом направлении сегодня говорят 55% граждан, тогда как об ухудшении ситуации – только 13% [1]. Однако, жители Астрахани имеют противоположное мнение по этому вопросу. Лишь незначительное количество респондентов полностью (5,3%) или частично (16%) согласны с тем, что государство предпринимает все возможные меры для устранения коррупции. Более половины опрошенных (70,7%) склоняются к тому, что «высшие» органы предпринимают недостаточно мер для борьбы с коррупцией. Затруднились ответить на вопрос 8% астраханцев, скорее всего это связано с низким уровнем информированности о возможных методах предотвращения коррупционных проявлений. Каждый пятый астраханец (19,3%) не согласен с проводимой политикой. Но стоит обратить внимание, что половина респондентов (56,7%) одобряет политику государства, направленную на ужесточение мер в отношении коррупционеров. Результаты показывают, что большинство населения считает существующие меры для уменьшения числа коррупционных деяний недостаточными, но все же согласны с политикой государства, которая направлена против коррупционеров.

Государство уделяет особое внимание устранению причин и условий, которые способствуют распространению коррупции. Коррупция дестабилизирует общество, разрушает государственные институты, препятствует реализации стратегических приоритетов. В заключении были заданы вопросы с целью выявления эффективных методов борьбы с данным негативным явлением общества. Рассуждая о предпринимаемых мерах, эксперты отметили эффективность таких мер, как «...ужесточение законов

и разъяснительная работа, проводимая среди населения... широкое освещение данной проблемы в средствах массовой информации...» [8].

Астраханская молодежь (35,6%) и люди среднего возраста (17,3%) выделяют следующие наиболее эффективные меры для борьбы с коррупцией: усиление контроля за распределением государственного бюджета и усиление прозрачности деятельности чиновников. Респонденты в возрасте от 51 до 65 лет считают, что для борьбы с коррупцией необходимо внедрение в органы власти системы ротации должностных лиц (18,6%), а также усиление контроля за деятельностью высшей власти (16,9%). По мнению старшего поколения, для эффективного искоренения коррупционности следует создать специальный государственный орган по борьбе с коррупцией (16,1%) и усовершенствовать законодательство (14,5%). Также, для минимизации коррупционных проявлений респонденты считают необходимым повысить правовую грамотность населения, усилить контроль за расходами чиновников и их семей и массово агитировать граждан страны [9].

Эксперты предлагают следующие меры, которые будут способствовать снижению уровня коррупции: «... нужно ужесточить контроль за распределением, расходованием денежных средств, внедрить современные технологии для борьбы с данной проблемой», «...в первую очередь нужно создать для чиновников такие условия, чтобы им не было выгодно брать взятку, а предпринимателю, например, не было выгодно ее давать». Также специалисты обратили внимание на необходимость повысить эффективность действий правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, и быстрого и оперативного раскрытия преступлений. По вопросу предпринимаемых мер, эксперты согласились с тем, что такие меры действительно решают проблему распространения коррупции, а ужесточение законов, помогает избежать роста числа преступлений. Но, также добавили, что «это глобальная проблема нашей страны и мне кажется, что в идеальном варианте каждый человек обязан пресекать любые проявления взяточничества всеми доступными, но самое важное законными методами». Таким образом, государство только во взаимодействии с обществом, используя новые технологии, сможет решить данную проблему.

В заключение следует отметить, что в понимании астраханцев коррупция, это не только использование должностного положения в личных интересах, но и получение взятки. Коррупционное действие предполагает получение дополнительного дохода должностным лицом посредством злоупотребления своими должностными полномочиями. Для решения проблемы большинство астраханцев, особенно молодежь, не будет прибегать к использованию коррупционных действий (дача взятки, дорогого подарка, оказание

услуги), в силу личных устоев и принципов, воспитания, а также боязни общественного порицания и уголовного наказания за преступления. Однако, небольшое количество людей, которое все же сможет дать или получить взятку, сделает это для положительного решения своей проблемы, для минимизации трудностей и, если сумма будет «в разумных» размерах.

Эксперты отмечают, что универсального решения вопроса о противодействии коррупции нет. Коррупция в современной России приобрела системный характер и пронизывает все сферы жизни общества: как на бытовом, повседневном уровне, так и на самом высоком профессиональном. Среди наиболее коррумпированных сфер, жители города Астрахани выделили: сферу государственного управления (органы власти), здравоохранения (больницы и поликлиники) и правоохранительные органы (суды, отделы полиции). Главными причинами коррупции в нашей стране остаются менталитет, а именно традиция «дарения», который сложился на протяжении долгого периода времени, неравенство перед законом, непрозрачность системы управления и низкая заработная плата сотрудников. Для того чтобы повысить свое благополучие или решить проблему, люди начинают прибегать к незаконным способам.

В публикации приведен сравнительный анализ данных из открытых статистических источников и результатов, по-

лученных опытным путем, который демонстрирует вариативность мнений россиян и астраханцев, в частности, в отношении проводимой государственной политики с целью предотвращения повсеместного взяточничества в стране. Так, по мнению большинства россиян, профилактические антикоррупционные мероприятия, проводимые в современном социуме, становятся наиболее заметными. Региональные респонденты не поддерживают такую точку зрения и считают недостаточными осуществляемые процедуры. Однако, астраханцы солидарны с мнением россиян о наиболее коррумпированных сферах жизнедеятельности, среди которых лидируют полиция, ГИБДД и органы государственной власти.

Эксперты и жители города Астрахани считают, что в целях более эффективного противодействия коррупции следует ужесточить законодательство по борьбе с коррупцией, усилить контроль за распределением государственного бюджета, ротацию власти, усилить прозрачность деятельности чиновников, жестко контролировать распределение и расход денежных средств, внедрить современные технологии, повысить правовую грамотность населения, а также четко скоординировать работу правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт ВЦИОМ. Коррупция в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korrupciya-v-rossii-monitoring/> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Официальный сайт ФОМ. Уровень коррупции в России: мониторинг. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185/> (дата обращения: 10.02.2022).
3. Официальный сайт Левада-центра. Коррупция в высших эшелонах власти. URL: <https://www.levada.ru/2019/05/07/korrupsiya-v-vyshshih-eselonah-vlasti/> (дата обращения: 10.02.2022).
4. Кузьмин Н.А. К вопросу о понятии и содержании коррупции // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С.128–131.
5. Ардельянова Я.А. Теоретико-методологические подходы к понятию «коррупция» // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2. – №3. – С. 86–93.
6. Быстрова А.С., Сильвестрос М.В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // ЖССА. – 2000. – №1. – С. 83–101.
7. Официальный сайт ФОМ. Уровень коррупции в России: мониторинг. Оценки уровня коррупции с 2009 года и их динамика. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185/> (дата обращения 10.03.2022).
- Официальный сайт ФОМ. Источники информации о коррупции. Россияне оценивают объективность информации о коррупции в СМИ. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14187/> (дата обращения 10.03.2022).
- Официальный сайт ФОМ. Перспективы борьбы с коррупцией в России. Оценки позиции властей в отношении коррупции. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14186/> (дата обращения 10.03.2022).

Информация об авторах

Бочарникова Ирина Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева 20-а.

E-mail: omcnk@list.ru

Тырнова Наталья Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева 20-а.

E-mail: natalya.tyrnova@mail.ru

Bocharnikova I., Tyrnova N.

ASSESSMENT OF CORRUPTION MANIFESTATIONS IN AUTHORITIES: SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract. The article touches upon the attitude of Astrakhan residents to corrupt practices in the modern society life and provides a comparative analysis of the FOM data with the results of the author's sociological research obtained through a mass poll and expert interviews.

The special focus is given to the bribery causes rotation, where the dominating role is immersed by the longing to improve one's well-being or to settle the problem through illegal means by the fastest ways. The article determinates the population's low awareness of about ongoing anti-corruption activities in the Astrakhan region. The regional respondents opinion states the current policy insufficiency of anticorruption efforts, and the approval of penalty clampdown for corrupt officials. It is worth mentioning about a research attempt to comprehend the Astrakhan residents opposite judgments of about the causativity of corruption demonstration, in particular, about legal ways to achieve the goals and the wish to bribe to expedite the problems resolution process.

The experts and the residents of the Astrakhan city consider that the main measures to reduce the corruption demonstration are to minimize the main factors contributing to the corruption itself.

The modern mechanisms for preventing and obviation of the corruption manifestations in the public authorities require to reconsider the effective measures to overcome it.

Keywords: corruption, bribe, public opinion, reasons for the corruption spread, anti-corruption measures.

Literature

1. Oficial'nyj sayt VCIOM. Korruptsiya v Rossii: monitoring. [Corruption in Russia: monitoring] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-monitoring/> (data obrashcheniya: 10.02.2022).
2. Oficial'nyj sayt FOM. Uroven' korruptcii v Rossii: monitoring. [The level of corruption in Russia: monitoring] URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185/> (data obrashcheniya: 10.02.2022).
3. Oficial'nyj sayt Levada-centra. Korruptsiya v vysshih eshelonah vlasti. [Corruption in the highest echelons of power] URL: <https://www.levada.ru/2019/05/07/korruptsiya-v-vysshih-eshelonah-vlasti/> (data obrashcheniya: 10.02.2022).
4. Kuz'min N.A. K voprosu o ponyatii i sodержanii korruptcii [To the question of the concept and content of corruption] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 6. – С.128–131.
5. Ardel'yanova YA.A. Teoretiko-metodologicheskie podhody k ponyatiyu «korruptsiya» [Theoretical and methodological approaches to the concept of "corruption"] // Idei i idealy. – 2013. – Т. 2. – № 3. С. 86–93.
6. Bystrova A.S., Sil'vestrov M.V. Fenomen korruptcii: nekotorye issledovatel'skie podhody [The Phenomenon of Corruption: Some Research Approaches] // ZHSSA. – 2000. – №1. – С. 83–101.
7. Oficial'nyj sayt FOM. Uroven' korruptcii v Rossii: monitoring. Ocenki urovnya korruptcii s 2009 goda i ih dinamika. [The level of corruption in Russia: monitoring. Estimates of the level of corruption since 2009 and their dynamics]. – URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185> (data obrashcheniya 10.03.2022).
8. Oficial'nyj sayt FOM. Istochniki informacii o korruptcii. Rossiyanе ocenivayut ob'ektivnost' informacii o korruptcii v SML. [Sources of information about corruption. Russians evaluate the objectivity of information about corruption in the media]. – URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14187> (data obrashcheniya 10.03.2022).
9. Oficial'nyj sayt FOM. Perspektivy bor'by s korruptciej v Rossii. Ocenki pozicii vlastej v otnoshenii korruptcii. [Prospects of the fight against corruption in Russia. Assessment of the position of the authorities in relation to corruption]. – URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14186> (data obrashcheniya 10.03.2022).

Authors

Bocharnikova Irina Stanislavovna, Candidate of Sociology, Associate professor, Associate Professor, Associate Professor of Sociology Department, Astrakhan State University, Astrakhan.

E-mail: omcnk@list.ru

Tyrnova Natalya Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Associate professor, Associate Professor, Associate Professor of Sociology Department, Astrakhan State University, Astrakhan.

E-mail: natalya.tyrnova@mail.ru

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНАРИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.23-28

Аннотация. Репродуктивное поведение – многогранный термин, который может рассматриваться с нескольких сторон. Репродуктивное поведение находится в фокусе внимания представителей демографии, медицины, психологии, биологии, социальной психологии, социологии, включая отдельное направление – социологию рождаемости.

Теоретико-методологические основы репродуктивного поведения, в целом, заложены в междисциплинарных исследованиях. Категория репродуктивного поведения стала употребляться в отечественной демографии и социологии относительно недавно, а точнее с 70-х годов XX в. В данной статье рассматриваются основные периоды концептуализации данного понятия, его значение, а также предлагается новый подход к изучению, сфокусированный на социальном аспекте. На примере результатов вторичных данных ведущих центров изучения общественного мнения в России детализируется социологический подход репродуктивного поведения. Затрагивается тема трансформации социальных репродуктивных практик, формирования новых трендов в институте семьи.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, трансформация института семьи, репродуктивные практики, репродуктивные установки.

Термин «репродуктивное поведение» определяется категориями многих наук, каждая из которых выделяет свой ракурс понимания. Изначально это понятие было заимствовано из биологии и связывалось с поведением, направленным на размножение, уход за потомством, обеспечение безопасности и выживание.

Специалисты области демографии рассматривают репродуктивное поведение как определяющий фактор рождаемости. Снижение показателей воспроизведения населения, социальные последствия, стимулирование рождаемости являются фундаментальными при изучении в подобном ключе. Использование понятия «репродуктивное поведение» заложило основу социологического анализа рождаемости. До этого периода (1970-ые гг.) исследование данного процесса проводилось без учета социального и поведенческого аспекта. Вопросы рождаемости рассматривались исключительно сквозь призму биологических, физиологических, медицинских факторов.

В то время основным подходом считался макроэкономический, заложенный Т. Мальтусом. Теория рассматривала увеличение человеческой популяции на уровне с возрастанием продовольственных благ. Причем, по мнению основоположника концепции, первое гораздо превышало второе. В этой связи приверженцы данной те-

ории считал и, что если не контролировать процесс рождаемости, то можно оказаться в ситуации перенаселения и голода. Решение положения автор находил в том, что «... надо постараться понизить народонаселение до уровня продовольствия» посредством «нравственного обуздания» полового инстинкта» [1]. Т. Мальтус акцентировал внимание сугубо на биологическом факторе, не принимая во внимание социальные аспекты, за что коллеги и критиковали его позднее.

Позднее данный подход сменился на концепцию «промежуточных переменных». К. Дэвис и Дж. Блэйк разработали схему анализа репродуктивного поведения посредством определенных признаков, которые оказывают влияние на рождение. К «промежуточным переменным» они относили поведение, связанное с брачными, половыми отношениями, зачатие, беременность, роды или их отсутствие [2].

Впервые рассмотрение вопросов деторождения с позиции поведения можно обнаружить у Р. Хилла, К. Бэкса, Дж. Стикса. Ранее термин репродукция не употребляли в поведенческом аспекте: только с точки зрения фертильности, рождаемости. Так, ученые связали исследование семейного планирования с контрацептивным поведением, регулированием числа детности. Еще один предста-

витель промежуточных переменных Р. Фридман в 1950-ые, говоря о «промежуточных социально-психологических факторах» по сути подразумевал поведение семьи, репродуктивное поведение (однако данный термин им не был использован) [2].

Антропология 70-х годов демонстрирует науке совокупное использование понятий «рождаемость», «репродуктивное здоровье», «репродуктивное поведение». Оформляется целое направление – антропология рождаемости. М. Мид, Б. Малиновский, К. Форд, Э. Монтангю рассматривали рождаемость с точки зрения социального, а не только биологического явления. Антропологи пришли к выводу, что в данном процессе можно увидеть нечто большее, чем просто прирост населения: отражение социокультурных ценностей, норм, обычаев, представлений.

Первые попытки определить понятие репродуктивного поведения появляются в период 60-70-х гг. XX столетия специалистами демографии. В это время все сводилось к вопросам снижения уровня рождаемости, небольшого числа детей в семье. А.Г. Волков отмечает, что был плохо разработан понятийный аппарат и недостаточная база исследований для объяснения данных процессов [3]. На данном этапе репродуктивное поведение определялось в основном как действие, связанное с рождением детей. Похожей точки зрения придерживались социологи, представители медицины, экономики.

В 1980-ые годы происходит углубление в понятие «репродуктивное поведение», оно попадает в фокус внимания психологов, которых интересуют психические состояния, мотивационные факторы и установки индивидов, касающиеся вопросов рождения детей. В рамках социальной психологии В.В. Бойко дает определение репродуктивного поведения как «социально обусловленной деятельности людей, включающую принятие решения о рождении ребенка, потребности, мотивы, установки, имеющие отношение к деторождению и практике контрацепции» [4]. Автор намеренно делал акцент именно на этих аспектах, исключая физиологический.

Стоит отметить, что как раз в 80-ые годы с целью контроля рождаемости в силу демографического взрыва в Китае была введена политика «одна семья – один ребенок», согласно которой нарушение данного правила каралось штрафами. Конечно, были и исключения в рамках данной программы, к примеру, возможность рождения второго ребенка при условии проживания в сельской местности, либо если родители являются сами единственно рожденными детьми в семье, либо в случае принадлежности к малочисленным этническим идентичностям. Так или иначе политика проводилась вплоть до 2015 года, была эффективной, имея как плюсы, так и минусы. В частности, результатом явилось рекордное снижение уровня рождаемости,

старение населения Китая, уменьшение доли трудоспособных граждан, гендерный перекося. Многие последствия пытаются устранить новой социальной политикой.

При анализе репродуктивного поведения с точки зрения контроля рождаемости стоит отметить, что далее происходит смещение внимания в сторону субъективных факторов рождаемости и появляются новые категории его использования (демографическое поведение, генеративное). В литературе эти понятия часто используются как синонимичные, но именно «репродуктивное поведение» считается более широким, так как включает в себя множество компонентов и имеет большое распространение [5]. Для социологов в репродуктивном поведении важно внешнее проявление свойств социальных групп и общественных институтов. С.И. Голод и А.А. Клецин, Т.А. Гурко, А.Б. Синельников исследовали репродуктивное поведение женщин и мужчин в контексте состояния и перспектив развития института семьи; причем изменения репродуктивного поведения были истолкованы как смена его типов и типов семьи [6]. С.И. Голод выделяет отдельно прокреативное поведение, сексуальное, матримониальное, упоминая о том, что со временем происходит разделение этих понятий [7]. На данном этапе исследования проводились в рамках демографии и социологии и основывались на категориальном аппарате демографии.

Начиная с 90-х годов, процесс рождаемости начинают рассматривать как совокупность биологического и социального. Возрастает интерес к изучению субъективных факторов рождаемости. Социологический контекст прочно утверждает свои позиции. А теория репродуктивного поведения значительно расширяет новые исследовательские рамки. Для этого времени было характерно развитие и распространение различных направлений при изучении репродуктивного поведения (социология, демография, медицина, культурология, экономика, юриспруденция, психология, история). Каждая наука рассматривала его со своей точки зрения.

В отличие от демографического подхода, который освещает проблему рождаемости со стороны изменений возраста, пола и семейно-брачных отношений, социология рождаемости фокусируется на тенденциях интенсивности деторождения, среднего числа рождений в семье. С особым вниманием анализируется влияние социальных институтов, непосредственно института семьи на репродуктивное поведение. Примечательно, что оформление данного направления в отдельную отрасль социологии было связано именно с потребностью эмпирических исследований о числе детей в семье [8].

В рамках культурологии репродуктивное поведение представляется как морфологическая единица культуры [9]. М.А. Беляева подчеркивает, что предпочтительнее ис-

пользовать термин *прокреативное* поведение, так как оно наиболее отражает социальный аспект, в отличие от репродуктивного, которое, по ее мнению, связано с биологическими характеристиками.

На сегодняшний день не существует единой трактовки понятия репродуктивного поведения, так как может рассматриваться с различных ракурсов и находиться в поле исследования различных наук. Но так или иначе наиболее используемое определение было дано демографом В.А. Борисовым [10].

В данной статье делается упор на социальную сторону репродуктивного поведения, а это значит, что фокус внимания сосредоточен на планах и решениях индивидов о том, как выстраивать свою жизнь относительно рождения детей. Опираясь на вышеупомянутую интерпретацию В.А. Борисова и сосредотачиваясь на социальном аспекте **репродуктивного поведения**, оно рассматривается как целостная система действий, отношений, которые предпринимаются мужчинами и женщинами в отношении процесса зачатия, вынашивания беременности и рождения, ограничение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке и вне брака. А также практики планирования, способы контроля рождения. Рассмотрение репродуктивного поведения не с точки зрения физиологии, а как особые длительные поведенческие практики, связанные с планированием детей, рождением, прерыванием беременности, первыми этапами воспитания ребенка. Как меняется социальное поведение участников и не участников этого процесса, взаимодействие женщины, мужчины и семьи, оформление института родительства (не только отдельно материнства или отцовства). На сегодняшний день можно заметить, что процесс планируется не только с момента взаимодействия мужчины и женщины, а задолго до этого, с начала проигрывания репродуктивных сценариев.

Рассматривая рождение в связи социального и биологического, следует учесть наличие зависимых переменных – рождаемость и плодовитость. Если плодовитость не ограничена, то она приравнивается к рождаемости. Сегодня репродуктивное поведение к физиологии имеет не прямое отношение: желание и личный жизненный сценарий первичен, а физиология вторична. Раньше социальные практики подстраивались под физиологию, а сегодня трансформируются под личный сценарий.

Для наиболее полного раскрытия сути социологического подхода репродуктивного поведения, рассмотрим примеры основных репродуктивных практик россиян на основе исследований, проведенных известными центрами изучения общественного мнения России. Эксперты подчеркивают, что на сегодняшний день «наблюдается

трансформация социальных ролей, выполняемых супругами в рамках семейной ячейки. Современные реалии разрушают традиционный образ «идеальной семьи» – возглавляемой «мужчиной-кормильцем», единолично несущим ответственность за всех членов семьи и самостоятельно принимающим судьбоносные решения», – по словам директора специальных программ ВЦИОМ Елены Михайловой [11].

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ показал, что идеальная семья для россиян – та, где царит атмосфера уважения, взаимопонимания, поддержки (87%), а не семья, зиждущаяся сугубо на материальных ценностях. Также привлекательной в нашей стране все более становится модель эгалитарной семьи – 52%, причем для женщин даже чуть больше (55%), чем для мужчин (48%) [11].

Распространёнными практиками отношений в настоящее время являются различные типы партнерского сожительства. Опрос ВЦИОМ на тему брака и детей устанавливает тот факт, что жить одной семьей без регистрации отношений вполне допустимо (около половины опрошенных). Это же исследование фиксирует распространение более лояльного отношения к внебрачным рождениям. Большинство респондентов (72%) признают, что если женщина родила вне брака – значит были на то свои причины и обстоятельства, каждая ситуация – индивидуальна [12].

За прошедшие полвека уровень образования, личные доходы и профессиональные возможности женщин росли, и вместе с этим во многих странах рождаемость снижалась. Также изменилось отношение ко многим вопросам, связанным с институтом семьи и деторождением. Степень толерантности к альтернативным формам семьи, отсутствию детей, абортam, разводам сегодня намного выше, чем несколько десятилетий назад [13].

Сегодня наблюдается тенденция к снижению количества детей в семье и феномен отсроченного родительства. По мнению большинства россиян, сегодня люди, заведя семью, стараются отложить рождение детей на более позднее время, и это характерно не только для мужчин. Согласно результатам опроса ФОМ «Семья и дети», более половины респондентов считают, что женщины откладывают рождение детей (53%), и что мужчины не торопятся с принятием подобного рода решения – 60% [14].

С течением времени процент людей, решивших отложить рождение детей, увеличивается: среди женщин подобного мнения придерживается половина опрошенных. С 2011 года по 2017 наблюдается рост данной доли с 41% до 48%, мужское же мнение возрастает с 52% до 57% [15].

Следующее исследование ВЦИОМ раскрывает нам вопрос об основных помехах на пути к рождению детей. На первое место население России ставит материальные вопросы. Среди молодых людей возраста 25–34 года 27%

не торопятся рожать детей в связи с тем, что не довольны своей заработной платой, 20% опрошенных того же возраста отмечают отсутствие должных эффективных мер государственной политики по поддержке семей с детьми. В категории 35-44 года существенным оказывается фактор репродуктивного здоровья, который предыдущие группы даже не упоминали [16].

Говоря о репродуктивных установках россиян, особо следует обратить внимание на реальное количество детей. Эксперты ВЦИОМ сосредоточили свой фокус на семьях респондентов активного репродуктивного возраста (молодежная группа 18–24 года). Из их числа менее половины не имеют детей, один ребенок у 16% опрошенных и двое у 15%. Планируемое количество детей: один – у 19%, двое – у 43% и трое у 3% респондентов. Таким образом, идеальная модель заключается в параметрах среднедетной семьи. Стоит отметить, что следующие возрастные когорты (24-44 года) демонстрируют примерно схожие результаты [16].

В 2020 году ВЦИОМ проводил общероссийский опрос россиян на тему «Демографическая политика Российской Федерации: факторы стимулирования принятия решения о рождении первого и второго ребенка, а также последующих детей». Телефонный опрос был ориентирован на 3 группы населения: бездетные россияне, далее те, кто имеет несовершеннолетних детей и, наконец, все население РФ. В ходе исследования было установлено среднее планируемое число детей: для бездетных в среднем составило 1,87, для тех, у кого уже есть дети – 2,80, все население РФ – 2,11. Заметим, что данные показатели превышают актуальный суммарный коэффициент рождаемости (1,5). Если же задавался вопрос о планируемом количестве детей при наличии идеальных условий, то цифра повышалась. Для первой группы среднее желаемое число детей – 2,85, для второй – 3,95, для третьей – 3,14. Таким образом, следует вывод о минимум двоих детях в семье при создании всех необходимых условий.

В результате исследования среди бездетной группы населения выявлено, что почти половина планирует рождение

детей в течение ближайших 3 лет, и примерно такой же процент (46%) не планирует. Основные причины, по которым респонденты откладывают рождение ребенка: отсутствие материальных возможностей (39%), жилищные трудности, отсутствие собственного жилья (30%), отсутствие супруга/ партнера/партнерши (29%), недостаточный возраст («мне еще мало лет для рождения ребенка» (15%), отсутствие благоприятных условий, облегчающих уход за ребенком (14%), «я пока не задумывался над тем, чтобы стать родителем» (14%), «не хочу оставлять работу даже на время» (11%), «хочется жить для себя» (10%) [17].

Таким образом, следует вывод, что современные тренды трансформации семьи, демографической политики, индивидуализации жизни как мужчин, так и женщин, желании жить здесь и сейчас накладывают отпечаток на практики деторождения и репродуктивные стратегии [18, 19]. В этой связи рассмотрение диссонанса демографической политики и реальных социальных репродуктивных практик подчеркивают актуальность данного исследования.

Текущая ситуация демонстрирует все больше обсуждений в поле контроля не количества детей, а уже качества – ребенок как социальная успешность семьи. Речь идет о таких понятиях, как baby-design, возможностях современной евгеники, генетики, генотерапии, репродуктивной медицины. Возможно ли создание «спроектированных детей», с определенными внешними данными, физически крепкими, высокоинтеллектуальными, без наследственных болезней? В мировой практике уже есть примеры генетически спроектированных детей, детей от трех родителей, но не все страны одобряют подобные методы на законодательном уровне. Учитывая данные обстоятельства, основные этапы изучения и концептуализации понятия, рассмотренные в статье, а также детализированное описание социологического подхода, основанное на результатах вторичного анализа данных, стоит подчеркнуть повышенный интерес к исследованию репродуктивного поведения и его нового прочтения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998; Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении / Перевод И.А. Вернера. – М, 1895. – С. 90–96.
2. Антонов А.И., Медков В.М., Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 206–209.
3. Волков А.Г. Предисловие к кн. «Рождаемость и ее факторы / Под ред. А.Г. Волкова. – М., 1968 г. – С. 8.
4. Бойко В.А. Репродуктивное поведение семьи и личности (социально-психологическое изучение рождаемости): автореферат диссертации на соискание степени доктора психологических наук. Ленинград, 1981. – С. 34.
5. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М., Статистика, 1976. – С. 17.

6. Калачикова О.Н. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы [Текст]: монография / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.
7. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. – Ленинград, 1984.
8. Демографический энциклопедический словарь/ Гл. ред. Валентей Д.И. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
9. Андреева А.В. Культура репродуктивного поведения в кочевой культуре народов Восточной Сибири: автореферат диссертации на соискание степени кандидата культурологических наук. Улан-Удэ, 2015. – С. 3.
10. Борисов В.А. Демография и социальная психология. – М., 1970. – С. 8.
11. ВЦИОМ «Идеальная семья-2016» URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768> (дата обращения: 11.04.2022)
12. ВЦИОМ «Брак, дети, супружеские измены» URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/gender-problems/article/brak-deti-supruzheskie-izmeny-seichas-i-25-let-nazad.html> (дата обращения: 11.04.2022)
13. Селина М. В., «Почему молодые женщины не спешат рожать?» URL: <https://iq.hse.ru/news/184583825.html> (дата обращения: 11.04.2022)
14. ФОМ «Семья и дети» URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11315> (дата обращения: 11.04.2022)
15. ФОМ «Семейные роли» URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13670> (дата обращения: 11.04.2022)
16. Аналитика экспертов ВЦИОМ «На повышение рождаемости в стране повлияют господдержка и запрет на рекламу табака и пива» URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8156> (дата обращения: 11.04.2022)
17. ВЦИОМ «Демографическая политика Российской Федерации: факторы стимулирования принятия решения о рождении первого и второго ребенка, а также последующих детей» URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-11-02_Demografija.pdf (дата обращения: 11.04.2022)
18. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Матвеева Е.А., Современные сценарии гендерных отношений молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-stsenarii-gendernyh-otnosheniy-molodezhi> (дата обращения: 11.04.2022)
19. Ефлова М.Ю., Гимадеева Д.Р. Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № 6. – С. 15-22.

Информация об авторе

Галиева Эвелина Равиловна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: evelinanalim@mail.ru

Galieva E.R.

REPRODUCTIVE BEHAVIOR: THEORETICAL APPROACHES AND MODERN SCENARIOS

Abstract. Reproductive behavior is a complex term that can be viewed from many sides. Reproductive behavior is in the focus of demography, medicine, psychology, biology, social psychology, sociology. The theoretical and methodological foundations of reproductive behavior are laid in interdisciplinary research. The category of reproductive behavior has been used in Russian demography and sociology since the 70s of the XX century. The article describes the main periods of conceptualization of this term, the definition and a new approach focused on the sociological aspect also addresses the topic of transformation of social reproductive practices, the formation of new trends in the family institute.

Keywords: reproductive behavior, transformation of the family institution, reproductive practices, reproductive attitudes.

Literature

1. Sociology in Russia / Edited by V.A. Yadov. M.: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1998; Malthus T.R. The experience of the Population Law / Translated by I.A. Werner. M, 1895. pp. 90–96
2. Antonov A.I., Medkov V.M., Sociology of the family. Moscow: Publishing House of Moscow State University; Publishing House of the International University of Business and Management, 1996. pp. 206–209
3. Volkov A.G. Preface to the book. "Fertility and its factors / Edited by A.G. Volkov. M., 1968, p. 8.
4. Boyko V.A. Reproductive behavior of family and personality (socio-psychological study of fertility): abstract of the dissertation for the degree of Doctor of psychological sciences. Leningrad, 1981. p. 34.

5. Borisov V.A. Prospects of fertility. M., Statistics, 1976. p. 17
6. Kalachikova O.N. Reproductive behavior as a factor of population reproduction: trends and prospects [Text]: monograph / O.N. Kalachikova, A.A. Shabunova. – Vologda: ISERT RAS, 2015. – 172 p.
7. Golod S.I. Family stability: a sociological and demographic aspect. Leningrad, 1984.
8. Demographic Encyclopedic dictionary/ Gl.ed. Valentey D.I. M.: Soviet Encyclopedia – 1985
9. Andreeva A.V. Culture of reproductive behavior in the nomadic culture of the peoples of Eastern Siberia: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of cultural Sciences. Ulan-Ude, 2015. p. 3.
10. Borisov V.A. Demography and social psychology. M., 1970. p. 8.
11. WCIOM "Ideal family-2016" URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768> (11.04.2022)
12. WCIOM "Marriage, children, adultery" URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/gender-problems/article/brak-deti-supruzheskie-izmeny-seichas-i-25-let-nazad.html> (11.04.2022)
13. Selina M. V., "Why are young women in no hurry to give birth?" URL: <https://iq.hse.ru/news/184583825.html> (11.04.2022)
14. FOM "Family and children" URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11315> (11.04.2022)
15. FOM "Family roles" URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13670> (11.04.2022)
16. Analysis of WCIOM experts "State support and a ban on tobacco and beer advertising will affect the increase in the birth rate in the country" URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8156> (11.04.2022)
17. WCIOM "Demographic policy of the Russian Federation: factors stimulating decision-making on the birth of the first and second child, as well as subsequent children" URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-11-02_Demografija.pdf (11.04.2022)
18. Eflova M.Yu., Maksimova O.A., Matveeva E.A., Modern scenarios of gender relations of youth // Kazan socio-humanitarian Bulletin. 2021. No. 2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-stsenarii-gendernyh-otnosheniy-molodezhi> (11.04.2022)
19. Eflova M.Yu., Gimadeeva D.R. Construction of religious affiliation in a multicultural society: social determinants // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Series: Humanities. – 2013. – T. 155. – No. 6. – S. 15–22.

Author

Galieva Evelina Ravilevna, PhD student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications.

E-mail: evelinanalim@mail.ru

КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.29-35

Аннотация. Трансформация современного глобального общества затрагивает все сферы жизнедеятельности человека, что неизменно отражается на состоянии социального здоровья населения. Происходит утрата основных благ, что проявляется через снижение уровня и качества жизни населения, его отдельных социальных групп и слоев; через повышение стрессогенности и конфликтности социального пространства; снижение качества физического здоровья населения. В общем смысле речь можно вести об угрозе социальному здоровью населения. Целью настоящей статьи выступает анализ состояния и динамики развития социального здоровья населения в эпоху трансформаций, в региональном социуме.

Авторы исходят из определения, что состояние социального здоровья населения определяется минимальным уровнем социальных болезней. В качестве комплекса показателей социального здоровья были определены различные виды заболеваний и социальных заболеваний как отражение неблагополучия населения. Авторами исследованы большинство из показателей социального здоровья населения региона (на примере Приволжского федерального округа, в разрезе его субъектов).

Ключевые слова: социальное здоровье; регион; социологические исследования; качество жизни; социальное неравенство; уровень жизни

В эпоху трансформаций общество и основные его процессы находятся в состоянии турбулентности. В современном мире трансформация затрагивает все, без исключения, сферы жизнедеятельности человека и общества. Эта трансформация обусловлена изменением структуры экономической системы, – возрастанием роли транснациональных компаний и «большого капитала» в экономических процессах; повсеместной цифровизацией, сокращающей возможности занятости для отдельных категорий работников; усилением конфликтности общества под воздействием мультикультурализма и миграционных перемещений; все более возрастающими экологическими вызовами. Все обозначенное ставит под угрозу функционирование общества как глобальной системы в том привычном понимании, которое сложилось за последние столетия (в самом общем смысле – общества модерна (modernity)). Итак, понимая, что точка невозврата уже пройдена, необходимо осмыслить новую реальность и пути социальных изменений в обществе трансформаций.

Наибольшее негативное влияние в данном контексте испытывает на себе антропосоциетальная подсистема общества. Человек, с его потенциалом (профессиональным, интеллектуальным, творческим, физическим) становится все более уязвимым. Социальные группы и слои, подвергаясь новым рискам и угрозам со стороны экосистемы, утрачивают свои прежние позиции, что проявляется через снижение уровня и качества жизни, психологические патологии, инвалидизацию и снижение общего уровня физического и психического здоровья, рост безработицы, утрату стабильности и уверенности в завтрашнем дне, росте тревожных настроений и так далее. Социальный аспект влияния трансформаций проявляет себя также в самых разных социальных проблемах и болезнях общества (криминализация среды, рост бедности и безработицы, усиление межнациональных и межрелигиозных конфликтов). В общем смысле речь можно вести об угрозе социальному здоровью населения, что требует специальных исследований.

Целью настоящей статьи выступает анализ состояния и динамики развития социального здоровья населения в эпоху трансформаций, в региональном социуме.

Исследование проблемы направлено на подтверждение или опровержение гипотезы: в современную эпоху трансформаций социальное здоровье населения испытывает множество угроз [1, 5] и предполагает необходимость использования новых социальных технологий управления им, на основе комплексной оценки и анализа ситуации и с учетом современных технологических тенденций (цифровизация, интернетизация) [2, 4].

Социальное здоровье в эпоху трансформаций имеет свою специфику изучения и нуждается в исследованиях в рамках системного подхода, поскольку представляет собой целостный интегральный феномен. Наиболее целостный анализ данного феномена представлен в исследованиях автора М. В. Морева [3]. Кроме того, в современных исследованиях слабо изучен динамический аспект развития проблемы. Недостаточно освещен региональный аспект развития социального здоровья в эпоху трансформаций. Данной комплексной проблеме посвящено настоящее исследование.

В статье применены комплексные методы исследования. Во-первых, методы теоретической социологии: межрегиональный анализ; комплексное определение социального и социально-экономического портрета региона.

Во-вторых, методы эмпирической фиксации объективных данных: анализ баз статистики, анализ документальных источников о состоянии качества жизни населения.

Данные официальной статистики представлены в разрезе субъектов региона: обработана и проанализирована статистическая информация, представленная на официальном сайте Росстата (<http://www.gks.ru>) и официальном сайте Федстата (www.fedstat.ru); исследованием охвачены все субъекты Приволжского федерального округа, период обследования – 2010-2020 гг.

Социальное здоровье населения – феномен комплексный. Он включает в себя ряд компонентов, каждый из которых имеет показатели, которые могут быть объективно измерены при помощи статистических данных.

В данной статье использована методология измерения социального здоровья населения, разработанная Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН), апробированная и описанная в статье М. В. Морева [3]. Мы базируемся на показателях, характеризующих состояние социального здоровья населения, демонстрирующих уровень адаптации населения к меняющимся условиям жизни в трансформирующемся обществе. Исходя из определения, что состояние социального здоровья населения определяется минимальным уровнем социальных болезней [3, с. 30], мы

определили в качестве комплекса показателей социального здоровья различные виды заболеваний и социальных заболеваний как отражение неблагополучия населения.

На основании обозначенной методологии, авторами исследованы некоторые из показателей (П) социального здоровья населения региона (на примере Приволжского федерального округа, в разрезе его субъектов):

- смертность населения в трудоспособном возрасте (показатель 1 (П-1));
- заболеваемость населения (новообразования) (П-2);
- заболеваемость населения (врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения) (П-5);
- смертность от отравления алкоголем (П-9);
- заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании (П-10).

Далее в тексте возможно использование сокращенных обозначений «П-1», т. д. – соответственно.

Перечисленные показатели вполне отражают комплексное понятие «социальное здоровье населения», поскольку являются социально обусловленными. Все выделенные показатели являются объективными, то есть, фиксируемыми при помощи объективных данных статистики. В статье дан анализ динамики изменения выделенных показателей с 2010 года по 2020 (2019) год (за исключением отдельных показателей, данные по которым имеются только до 2016 года включительно). Анализировались данные официальной статистики, представленные в открытом доступе (сайты Росстата и Федстата).

Анализ данных по первому показателю П-1, рассчитываемого как число умерших на 100000 человек соответствующего возраста позволил заключить, что с 2010 по 2019 годы смертность снизилась на 26%, по всему ПФО (см. рис. 1).

В том числе, в разрезе субъектов округа: Башкортостан – на 19%, Республика Мари Эл – 31%, Республика Мордовия – 29%, Республика Татарстан – 29%, Удмуртская Республика – 28%, Чувашская Республика – 25%, Пермский край – 28%, Кировская область – 30%, Нижегородская область – 33%, Оренбургская область – 22%, Пензенская область – 23%, Самарская область – 24%, Саратовская область – 29%, Ульяновская область – 24%. В 2019 году наименее благополучными, по данному показателю, являлись: Пермский край, Оренбургская область, Самарская область, Ульяновская область. Наиболее благополучными – Республика Мордовия и Республика Татарстан.

По показателю «заболеваемость населения (новообразования)», рассчитываемого на 1000 человек (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) фиксируется следующая динамика, за 2010-2019 годы (см. рис. 2).

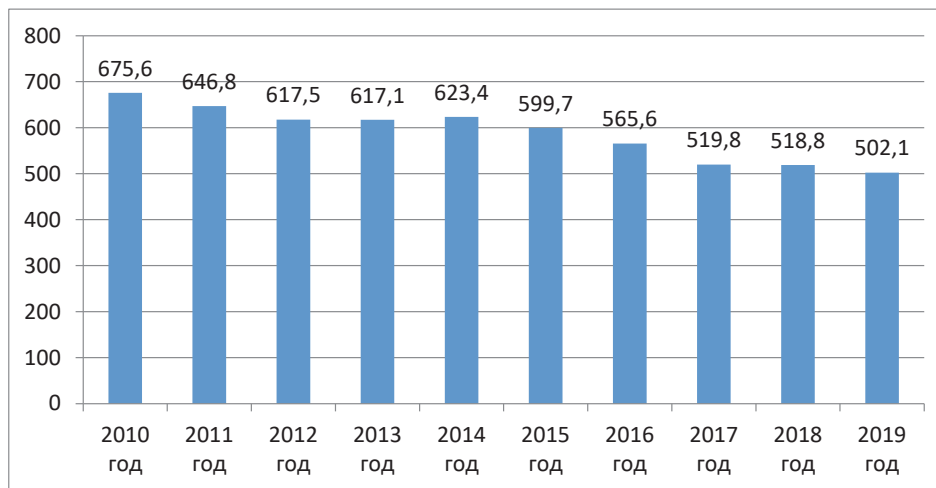

Рисунок 1. Динамика показателей социального здоровья населения региона (ПФО). Показатель П-1

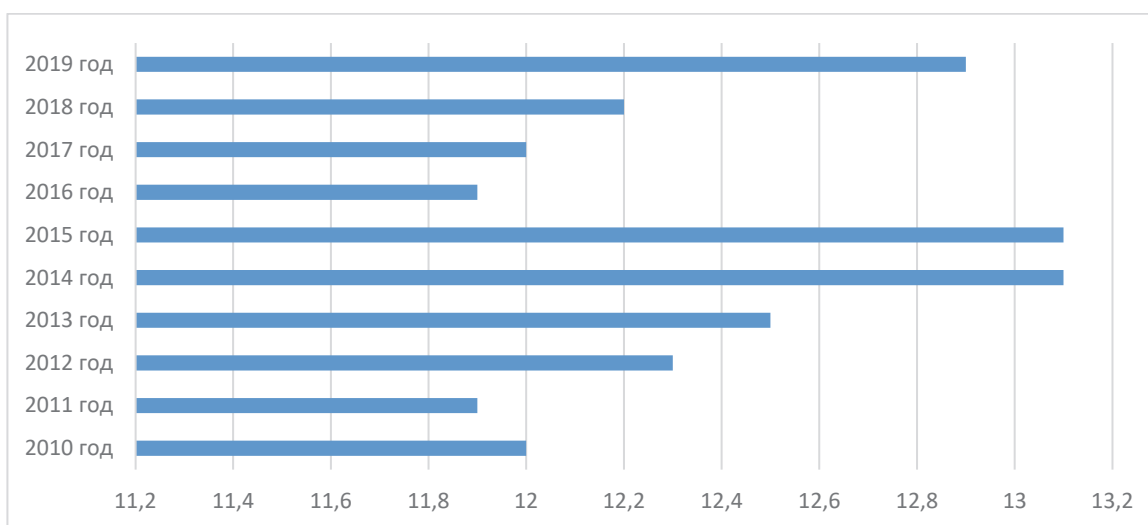

Рисунок 2. Динамика показателей социального здоровья населения региона (ПФО). Показатель П-2

В целом по региону доля населения, получившего диагноз «заболевание новообразованием» за указанный период возросла на 7%. В том числе, в разрезе субъектов ПФО: Республика Башкортостан – на 23%, Республика Мари Эл – 57%, Республика Мордовия – 11%, Удмуртская Республика – 43%, Чувашская Республика – 11%, Пермский край – 39%, Кировская область – 6%, Нижегородская область – 12%, Пензенская область – 23%. В 2010 году наименее благополучными, по данному показателю, являлись: Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Ульяновская область. В 2019 году наименее благополучными, по данному показателю, являлись: Республика Мари Эл, Самарская область. Наиболее благополучными – Республика Татарстан и Кировская область. По региону в целом, а также и в большинстве его субъектов динамика неравномерна по годам: начиная с 2010 по 2011 годы, происходит снижение заболеваемости, с 2012

по 2015 – новый подъем, с 2016 года – плавное сокращение заболеваемости.

В целом по региону доля населения, получившего диагноз «заболеваемость населения (врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения)», за указанный период сократилась на 4% (см. рис. 3). В большинстве субъектов ПФО заболеваемость сокращается.

Анализ данных по показателю «Смертность от отравления алкоголем» позволил заключить, что с 2010 по 2020 годы значение показателя снизилось в 2,2 раза, по всему ПФО (см. рис. 4). В том числе, в разрезе большинства субъектов округа, значение показателя сократилось. В отдельных субъектах ПФО фиксируется рост значения показателя: Республика Мордовия – 1,2 раза (на 23%). По региону в целом, а также и во всех его субъектах (за исключением Республики Мордовия) постепенное снижение смертности

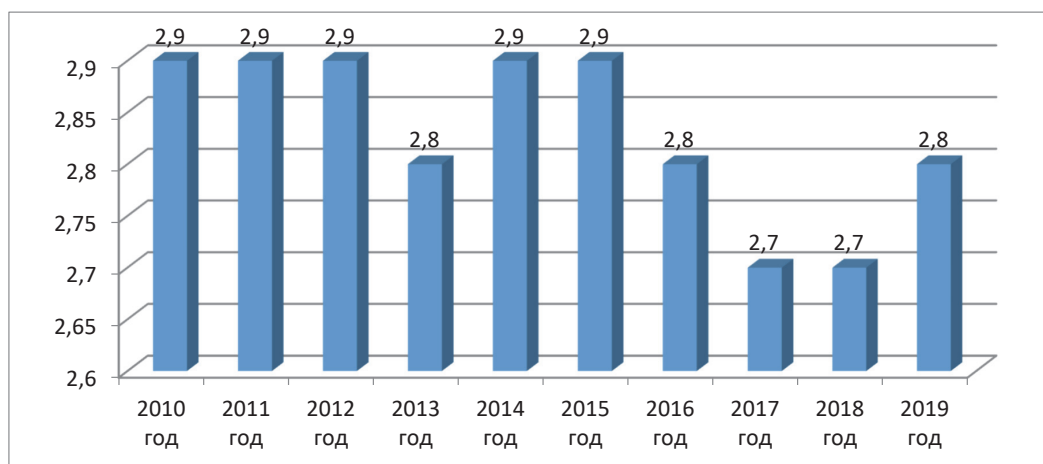

Рисунок 3. Динамика показателей социального здоровья населения региона (ПФО). Показатель П-5

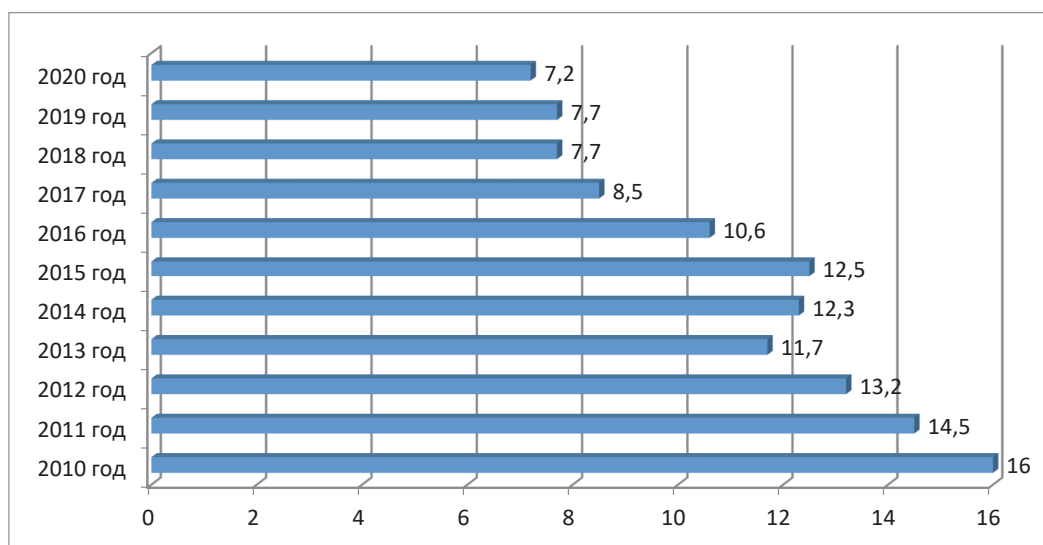

Рисунок 4. Динамика показателей социального здоровья населения региона (ПФО). Показатель П-9

от отравления алкоголем фиксируется, за весь анализируемый период, с 2010 по 2020 годы, но спад происходит неравномерно: в 2014-2015 гг. наблюдается рост показателя в разрезе большинства субъектов ПФО и в целом по округу; начиная с 2016 года фиксируется снижение показателя, но данная положительная динамика уже не так сильно выражена, как в период с 2010 по 2013 гг.

По показателю «Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании», фиксируется следующая динамика, за 2010-2016 годы (открытые данные статистики представлены только до 2016 года). В целом по региону за указанный период значение показателя сократилось 1,6 раз (на 38%) (см. табл. 1). Сокращение показателя произошло по всем субъектам региона. В том числе, в разрезе субъектов ПФО, сокращение заболеваемости произошло в большинстве субъектов округа, за исключением Ульяновской области.

Наиболее благополучными в 2016 году, по данному показателю, являлись: Республика Мари Эл, Чувашская Республика. По региону в целом, а также и в большинстве его субъектов снижение заболеваемости фиксируется в период с 2010 по 2013 годы; в период 2014-2015 годы наблюдался новый подъем заболеваемости, по большинству субъектов округа. Закрытие доступа к данным статистики, после 2016 года, делает недоступным полноценный анализ динамики по данному показателю, что не позволяет делать вывод о дальнейшем снижении его значения.

Проведенный анализ состояния и динамики показателей социального здоровья населения позволил выявить субъекты ПФО, относительно благополучные и наименее благополучные (сводные данные представлены графически, в виде кластеров, в табл. 2). Простой подсчет числа признаков неблагополучия привел к выводам о субъектах ПФО, которые могут считаться наименее благополучными

Динамика показателей социального здоровья населения региона (ПФО).**Показатель П-10¹**

Регион ПФО	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Башкортостан	13,5	12,3	9,4	8,9	6,7	6,1	5,4
Республика Мари Эл	8,6	4,5	4,6	3,9	7	3,3	2,2
Республика Мордовия	8,2	6	6,8	7,6	9,6	6,6	8,2
Республика Татарстан	9,4	8,2	7,5	6,8	7,4	9,5	9,7
Удмуртская Республика	15,2	11,3	8,3	3,8	4,7	4,9	3,7
Чувашская Республика	3,3	2	2,4	2,3	1,7	1,5	1,9
Пермский край	28,3	17,4	15,3	5,5	6,4	5,8	10,4
Кировская область	3,5	4,1	1,6	2,1	3	3,7	3,7
Нижегородская область	14	17,3	18,2	15,1	14,2	14,7	10,6
Оренбургская область	5,5	12,1	8	4,3	5,5	5,1	4,7
Пензенская область	19,6	11,8	9,6	7,7	12,2	12	7,6
Самарская область	19,6	17,4	13,7	13,3	17,4	28,1	13,3
Саратовская область	7,2	12,3	9	6,9	8,5	7,7	5,5
Ульяновская область	18,6	19,2	12,1	13,3	25,6	16,6	21,5
ВСЕГО по ПФО	13,3	12,4	10,2	8,1	9,5	10,2	8,3

в 2010 году: Пермский край, Пензенская область. Данные субъекты ПФО обладали несколькими признаками неблагополучия социального здоровья, в 2010 году. Среди субъектов, которые в 2010 году имели менее всего признаков неблагополучия, в разрезе выделенных показателей социального здоровья населения, либо не имели их вообще, выделяются Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Саратовская область.

В 2016-2020 годах картина несколько меняется². Наименее благополучными с точки зрения социального здоровья населения, могут считаться субъекты ПФО: Пермский край, Самарская область. Среди субъектов, которые в 2016-2020 гг. имели менее всего признаков неблагополучия, в разрезе выделенных показателей социального здоровья населения, либо не имели их вообще, выделяются Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика.

Таблица 2

Частота признаков неблагополучия социального здоровья населения в разрезе субъектов ПФО, в динамике (2010-2020 гг.)³

Субъект ПФО/ Показатели социального здоровья	П-1	П-2	П-5	П-9	П-10
Республика Башкортостан					
Республика Мари Эл	■	■		■ ■	
Республика Мордовия					
Республика Татарстан					
Удмуртская Республика			■	■	
Чувашская Республика	■ ■		■ ■	■	■ ■
Пермский край				■ ■	
Кировская область	■	■	■		■
Нижегородская область	■	■	■		
Оренбургская область		■		■ ■	■
Пензенская область	■	■ ■			■ ■
Самарская область				■	
Саратовская область	■	■			■ ■
Ульяновская область					

¹ Данные представлены только до 2016 года. См.: ЕМИСС. Государственная статистика. <https://www.fedstat.ru/indicator/41701>

² В зависимости от доступности данных: по ряду показателей данные доступны до 2016 года, по другим показателям – до 2019 года или до 2020 года; указывается последний год анализа данных.

³ В зависимости от доступности данных: по ряду показателей данные доступны до 2016 года, по другим показателям – до 2019 года или до 2020 года; указывается последний год анализа.

Таким образом, сравнение интегральных показателей социального здоровья населения в разрезе неблагополучных субъектов региона позволяет заключить, что Пермский край сохранил за собой ситуации неблагополучия в сфере социального здоровья населения. Ситуацию благополучных субъектов сохранили за собой Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Республика Удмуртия.

В целом, следует отметить, что Приволжский федеральный округ как регион нашего исследования обладает высокой неравномерностью развития социального здоровья населения. Значения показателей социального здоровья сильно варьируют от субъекта – к субъекту. Динамика изменения показателей социального здоровья также нестабильна. Анализ показал, что по некоторым показателям, за обследуемый период 2010-2020 гг. наблюдается стабильное улучшение ситуации, а именно:

- смертность населения в трудоспособном возрасте;
- смертность от отравления алкоголем.

По другим показателям наблюдается снижение качества социального здоровья населения:

- заболеваемость населения (новообразований).

По отдельным показателям ситуация остается фактически без изменений, на протяжении всего обследуемого периода:

- заболеваемость населения (врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения).

Кроме того, по отдельным показателям фиксируется крайне нестабильная ситуация: скачкообразное развитие значений показателей:

- заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании.

Резюмируя данные исследования, следует отметить, что, в основном, нашла свое подтверждение гипотеза: в современную эпоху трансформаций социальное здоровье населения подвержено многим рискам. Проведенный анализ позволил заключить, что уровень социального здоровья населения региона сильно варьирует от субъекта – к субъекту и не является стабильным: наблюдаются периоды снижения и повышения значений его показателей. Это вполне закономерно отражает характер социальных трансформаций. Так, периоды снижения качества социального здоровья населения совпадают с периодами социально-экономических «турбулентностей»: наиболее яркие тенденции снижения качества социального здоровья населения региона, как комплексного и интегрального феномена, фиксируются в 2012, 2014-2015 гг., а также в 2019-2020 гг.

На основании полученных выводов можно заключить, что феномен социального здоровья населения нуждается в специальных исследованиях, сочетающих количественные и качественные, объективные и субъективные методики, с целью прогнозирования его развития, разработки технологий, путей и направлений его повышения в эпоху трансформирующегося общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байгулова А.А., Тулякова В.М. Роль социальной сферы в формировании здоровья населения на примере образования // Вектор экономики. – 2020. – № 4 (46). – С. 60–65.
2. Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Васьков М.А. Российское население в условиях режима самоизоляции: анализ депривационного влияния на социальное здоровье // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 2. – С. 204–208.
3. Морев М.В. Социальное здоровье российского общества: тенденции и проблемы // Проблемы развития территории. – 2014. – Вып. 5 (73). – С. 28–46.
4. Преликова Е.А., Белкина В.А. Влияние технической среды региона на социальное здоровье населения // Вопросы устойчивого развития общества. – 2020. – № 8. – С. 171–177.
5. Романов П.В., Зайцев Д.В., Присяжнюк Д.И., Ярская В.Н. Здоровье населения и национальные реформы: социально-антропологический анализ. Монография / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – 175 с.

Информация об авторах

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры регионоведения и евразийских исследований, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет.

E-mail: rcio@bancorp.ru

Панченко Ольга Львовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет.

E-mail: kadri@bk.ru

QUALITY OF SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION IN THE ERA OF TRANSFORMATION: REGIONAL ASPECT

Abstract. The transformation of the modern global society affects all spheres of human life. This invariably affects the state of social health of the population. There is a loss of basic goods. This manifests itself through a decrease in the level and quality of life of the population, its individual social groups and strata; through increasing stress and conflict potential of social space; decrease in the quality of physical health of the population. In a general sense, we can talk about the threat to the social health of the population. The purpose of this article is to analyze the state and dynamics of the development of social health of the population in the era of transformations, in the regional society.

The authors proceed from the definition that the state of social health of the population is determined by the minimum level of social diseases. As a set of indicators of social health, various types of diseases and social diseases were identified as a reflection of the population's ill-being. The authors studied most of the indicators of the social health of the region's population (on the example of the Volga Federal District, in the context of its subjects).

Keywords: social health; region; sociological research; the quality of life; social inequality; standard of living

Literature

1. Baigulova A.A., Tulyakova V.M. The role of the social sphere in shaping the health of the population on the example of education // Vector of Economics. – 2020. – No. 4 (46). – S. 60–65.
2. Kasyanov V.V., Gafiatullina N.Kh., Vaskov M.A. Russian population in conditions of self-isolation regime: analysis of deprivation impact on social health // State and municipal management. Scientific notes. – 2020. – No. 2. – P. 204–208.
3. Morev M.V. Social health of the Russian society: trends and problems // Problems of territory development. – 2014. – Issue. 5 (73). – S. 28–46.
4. Prelikova E.A., Belkina V.A. Influence of the technical environment of the region on the social health of the population // Issues of sustainable development of society. – 2020. – No. 8. – P. 171–177.
5. Romanov P.V., Zaitsev D.V., Prisyazhnyuk D.I., Yarskaya V.N. Population health and national reforms: socio-anthropological analysis. Monograph / Ed. E.R. Yarskoy-Smirnova. – M.: OOO "Variant", TsSPGI, 2011. – 175 p.

Authors

Ershov Andrey Nikolaevich, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University.

E-mail: rcio@bancorp.ru

Panchenko Olga Lvovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of World Cultural Heritage, Institute of International Relations, Kazan Federal University.

E-mail: kadri@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.36-41

Аннотация. Представлен анализ основных концептуальных положений исследования концепта «новая нормальность». Раскрываются факторы, формирующие общество в условиях новой нормальности, и то, каким образом эти факторы обуславливают усугубление социальной эксклюзии. Отмечается, что в условиях формирования «новой нормальности» основные изменения происходят вокруг современных цифровых технологий, которые помогают поддерживать социальную устойчивость и инклюзию, создают возможности для развития бизнеса, трудоустройства, удаленной работы, учебы, участия в политике, приобщения к культуре, а также новые формы коммуникаций. Но они одновременно порождают и новые формы неравенства, цифровые «разрывы». Цифровые технологии еще больше усиливают расслоение и ассиметричные отношения между разными группами населения, создают новые формы эксклюзии, девиантного поведения и деструкций.

Ключевые слова: новая нормальность, эксклюзия, цифровизация, цифровые технологии, пандемия, институциональная парадигма

Социальная эксклюзия является относительно новой исследовательской рамкой, раскрывающей проблемы бедности, дискриминации, нетерпимости, стигматизации и ущемления прав человека. Она предполагает отсутствие или отрицание ресурсов и прав у ряда сообществ, следствием чего становится их неспособность участвовать в жизни общества. Это влияет на качество жизни социально исключенных лиц и негативно отражается на обществе в целом [1]. Отсутствие концептуальных разработок в комплексном изучении процессов институционализации социального исключения/включения в структурировании современного общества идет вразрез с потребностями общества в решении теоретических и практических задач инклюзии социально депривированных и девиантных групп в условиях общественной ситуации, получившей характеристику «новой нормальности».

В последние годы в научном дискурсе активизировался интерес к термину «Новая нормальность» (New Normal), который был введен в научный оборот еще в 1930-е гг. в США в период Великой депрессии и приспособления экономики и всего общества к ее последствиям. Вновь этот концепт начал активно использоваться исследователями после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Как отмечает А.С. Булатов, в этот период новая нормальность понимается как «снижение предсказуемости, ведущее к росту неопределенности и вытекающей из нее нестабильности (волатильности) поведения экономических агентов» [2]. В условиях пандемии и постпандемии исследователи вновь обратились к анализу новой нормальности, но уже в контексте переосмысления и трансформации повседневных практик, способов взаимодействия и сосуществования в обществе, модусов работы и оказания услуг с существенным преобладанием процессов цифровизации.

К основным чертам социально сущности новой нормальности можно отнести такие факторы, как:

- формирование комплексной цифровой среды, охватывающей самые разнообразные стороны общественной жизни;
- активизация процессов оцифровки и цифровизации большинства сфер жизнедеятельности общества;
- погружение в цифровую среду (зачастую вынужденное), способствующее формированию новой системы социальных отношений и связей и обуславливающей усугубление социального неравенства и эксклюзии на основе цифрового неравенства и цифрового разрыва;

– утрата институтами возможности адекватного и оперативного реагирования на новые социальные и экономические вызовы;

– делегирование федеральным центром функций контроля за ситуацией региональным структурам;

– индивидуализация стратегий и тактик выживания в условиях кризиса.

Пандемия Covid 19, и те ограничения и изменения экономики и образа жизни населения мира, которые произошли в связи с ними и сформировали ситуацию новой нормальности, вызвали рост числа исследований, посвященных как самым разным аспектам функционирования больших социальных институтов, так и практикам преодоления эксклюзии различных социальных групп (гендерных, возрастных, территориальных и др.) и новым смыслам в культуре и социальных коммуникациях, новым нормам социальной жизни в широком контексте.

Так, сферу политики исследователи анализируют также в связи с возникновением дискуссии вокруг понятия «новой нормальности», в частности, акцентируя внимание на тех эффектах, которые она влечет, например, «ковидный популизм» [3]. Исследователями оценивается потенциал эффективности различных политических систем в ситуации кризиса, вызванного пандемией [4], проводится комплексная оценка эффективности удаленного (дистанционного) государственного управления как новой нормы [5].

Особое внимание исследователи уделяют тому, как в условиях новой нормальности функционируют социальные нормы и сфера социального контроля. В частности раскрывается связь мер против пандемии с процессами цифровизации и социального контроля со стороны государства. Отмечается, что, по мере развития пандемии, правительства по всему миру внедряли различные системы контроля, основанные на информационных системах, которые постепенно стали частью нашей жизни, превратившись в новую «норму» [6].

Исследования социальных аспектов новой нормальности осуществляются и в России. Так, О.В. Ярмач, Е.В. Страшко и Т.В. Шкайдерова, применив метод киберметрического анализа социальных медиа с использованием системы мониторинга и анализа социальных сетей, проанализировали образование медийных и коммуникативных трендов, связанных с неоднозначностью информационной оценки интернет-аудиторией ситуации пандемии коронавирусной инфекции и самоизоляции, а также формирование новых цифровых форм взаимодействия индивидов в их повседневных практиках. Авторы приходят к выводу, что новые условия повседневности привели к пониманию вирусного заболевания как социально-политического феномена, создающего условия для новых форм консолидации в обществе, вызванных различными реакциями на кризис [7].

Отметим, что одна из наших работ посвящена сходной проблеме – формированию гражданского цифрового активизма как следствия вынужденного погружения индивидов в цифровую среду в условиях новой нормальности [8].

Важной в контексте исследования новых форм эксклюзии в российском обществе, в том числе – цифрового неравенства, является коллективная монография сотрудников МГУ «Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России». В работе представлен подробный анализ теоретико-методологических основ исследования социального неравенства в современной социологической теории, описаны его новые формы, такие как глобальное неравенство, пространственное неравенство, инвайроментальное неравенство, неравенство в сфере здоровья, цифровое неравенство и др. Особое внимание авторами уделяется механизмам формирования радикализованного неравенства и вызовам, связанным с биполярным обществом [9].

В рамках влияния новой нормальности на социальную эксклюзию авторами рассматриваются трансформационные изменения, происходящие в организациях, связанные с необходимостью более широкого использования новых информационно-коммуникационных технологий как важного фактора, способствующего продолжению нормальной деловой практики во время пандемии COVID-19, а также последующие ключевые этические соображения при использовании новых технологий организациями. Значительная часть исследований посвящена проблемам безработицы в региональном и гендерном срезе, а также с учетом сферы деятельности и трансформации тех профессиональных компетенций, которые приобретают значение (например, знание цифровых технологий) [10, 11, 12].

Еще одной важной частью исследования трансформаций в контексте включения/исключения индивидов в сфере трудовой деятельности в условиях «новой нормальности» становится анализ изменений практик организации офиса дома [13] и поиска новых возможностей для повышения эффективности в условиях ограниченных ресурсов [14]. В условиях новой нормальности работа из дома приобрела большое значение для огромной части сотрудников, поскольку она представляет собой часто единственный вариант как продолжения работы, так и минимизации риска заражения вирусом. Неопределенность относительно продолжительности пандемии и будущих волн ограничительных мер даже заставила компании рассматривать удаленную работу как «новый нормальный» способ работы. Результаты исследований показывают, что положительный тренд удаленной работы связан с увеличением среднего трудового дохода, но эта потенциальная выгода не будет равномерно распределена между разными категориями

работников. В частности, увеличение возможностей включения будет благоприятствовать мужчинам, высокообразованным и высокооплачиваемым работникам, тогда как для других категорий дистанционная форма работы может стать фактором исключения. Таким образом, перевод труда в дистанционные формы может усугубить ранее существовавшее гендерное, возрастное неравенство на рынке труда еще и цифровым неравенством, особенно если оно не будет должным образом регулироваться.

В контексте факторов новой нормальности анализируются трансформации видов социальной активности в доме и вне дома в ситуации вынужденной цифровизации в условиях пандемии и постпандемии; изменения в структуре социальной мобильности и отношение к досугу: население находит способы удовлетворять физические, когнитивные, социальные и эмоциональные, а также духовные потребности дистанционно, оставаясь при этом защищенными и социально дистанцированными. При этом духовность включается в качестве измерения здоровья. Предполагается, что в условиях новой нормальности в досуге на долгие годы установятся новые, виртуализированные, нормы [15]. Кроме того, как отмечают исследователи, происходит трансформация роли новых цифровых медиа как центральных каналов для обучения, работы и, в целом, социального взаимодействия [16].

В контексте теории институционального распада и усугубляемой им социальной эксклюзии, отдельно стоит выделить исследования нарушения и изменения работы привычных институтов, в частности образования. В условиях новой нормальности происходит трансформация восприятия образования в целом, в том числе – из-за перехода к цифровым дистанционным формам работы, работы в условиях неопределённости и уязвимости. Исследуется готовность преподавателей к работе в новых форматах, выявляются факторы, влияющие на готовность профессорско-преподавательского состава и студентов к онлайн-обучению, обосновывается нормализация цифрового обучения в различных регионах мира и изменения в качестве образования. Особенно акцентируется необходимость поиска новых критериев оценки качества образования в условиях удаленных форм работы.

В целом, исследователи «новой нормальности» приходят к выводу, что происходит некоторая нормализация ситуации риска и поиск новых путей для управления обществом в изменившихся условиях, оценка эффективности тех или иных решений вне поиска стабильного состояния [17]. Таким образом, понятие «уязвимости» в контексте пандемии и цифрового разрыва дополняется новыми смыслами и значениями.

В целом актуальные исследования в рамках социального эффекта ситуации новой нормальности предпола-

гают, что мир не вернется к прежней норме, но мы пока не можем знать, как именно изменятся мир и социальная структура. В условиях формирования «новой нормальности» основные изменения происходят вокруг современных цифровых технологий, которые помогают поддерживать социальную устойчивость и инклюзию, создают возможности для развития бизнеса, трудоустройства, удаленной работы, учебы, участия в политике, приобщения к культуре, а также новые формы коммуникаций. Но они одновременно порождают и новые формы неравенства, цифровые «разрывы». Цифровые технологии еще больше усиливают расслоение и асимметричные отношения между разными группами населения, создают новые формы эксклюзии, девиантного поведения и деструкций.

Данные взаимосвязанные процессы получили ускоренное развитие в условиях пандемии COVID-19. Вводимые на государственном уровне большинства стран ограничения (и, в первую очередь, режим самоизоляции) привели к масштабной вынужденной оцифровке и цифровизации отдельных отраслей экономики и большинства общественных сфер (политики, управления, образования, здравоохранения, культуры и т.д.), в том числе тех, где до этого времени в большей степени был распространен офлайн-формат. Произошедшие изменения повлекли за собой трансформацию структуры общества, перераспределение в соотношении таких групп, как мейнстрим и социально-исключенные сообщества, не ставшие, по разным причинам, частью нового цифрового поля. В результате фиксируемый цифровой разрыв еще больше усилил цифровое неравенство между теми, кто активно участвует в цифровой жизни, благодаря доступу к информационным и коммуникационным технологиям, и теми, кто из нее исключен. Именно он создает альтернативные формы адаптации к цифровому отставанию.

За последние два года можно наблюдать стремительное изменение как институциональных сценариев, так и индивидуальных практик, размывание устоявшихся ценностей, смещение целей и появление новых возможностей их достижения в связи цифровизацией и ее влиянием на социальную среду. Фактически происходит трансформация сложившейся парадигмы институционализма, следствием которой является формирование феномена «новой нормальности», складываются новые модели процессов институционализации социального исключения и социального включения в социальной системе современного общества.

В складывающейся принципиально новой системе социальной реальности объяснительные социологические теории аномии, социальной солидарности, социального исключения требуют уточнения и доработки. В условиях формирования новой нормальности, закладываются но-

вые долгосрочные индивидуальные и групповые сценарии поведения на уровне социальных практик, которые бывают рассогласованы с институциональными стратегиями и предписанными нормами со стороны органов власти, что приводит к социальному исключению все большего числа групп и обуславливает возникновение неконтролируемых рисков. Необходимым является изучение пространственных и временных характеристик многоуровневых асинхронных процессов институционализации социального ис-

ключения и включения в условиях протекающей пандемии на фоне тотального и зачастую вынужденного погружения индивидов в цифровую среду.

Таким образом, фундаментальная научная проблема видится нам в теоретическом переосмыслении теории социального исключения в условиях новой нормальности, и необходимостью включения индивидов в тотальное, зачастую вынужденное погружение в цифровую среду и в освоение новых коммуникационных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе (стратегии институционализации и опыт интеграции). Автореф. дис. ... докт. социол. наук / Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2015.
2. Булатов А.С. Новая нормальность // Мировое и национальное хозяйство. – №3(52). – 2020. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (дата обращения 1.04.2022).
3. Vieten, U.M. The "new normal" and "pandemic populism": The COVID-19 crisis and anti-hygienic mobilization of the far-right // *Social Sciences*. – 2020. – Vol. 9. – Pp. 165–175.
4. Drinóczi, T., Bień-Kacala, A. COVID-19 in Hungary and Poland: extraordinary situation and illiberal constitutionalism // *Theory and Practice of Legislation*. – 2020. – № 8(1-2). – Pp. 171–192.
5. Williamson, S., Colley, L., Hanna-Osborne, S. Will working from home become the 'new normal' in the public sector? // *Australian Journal of Public Administration*. 2020.
6. Leclercq-Vandelannoitte, A., Aroles, J. Does the end justify the means? Information systems and control society in the age of pandemics // *European Journal of Information Systems*. 2020.
7. Ярмак О. В., Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // *Вестник Института социологии*. – 2020. – Том 11. – № 3. – С. 121–142.
8. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. Гражданский цифровой активизм и социальная эксклюзия в условиях вынужденного погружения в цифровую среду // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2021. – № 1. – С. 124–128.
9. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / Под общей редакцией д-ра социол. наук, проф. Н.Г. Осиповой. – М.: Перспектива, 2021. – 276 с.
10. Mukherjee, M., Chatterjee, R., Khanna, B.K. Ecosystem-centric business continuity planning (eco-centric BCP): A post COVID19 new normal // *Progress in Disaster Science*. 2020.
11. Scheepers, C.B., Bogie, J. Uber Sub-Saharan Africa: contextual leadership for sustainable business model innovation during COVID-19 // *Emerald Emerging Markets Case Studies*. – 2020. – 10(3). – Pp. 1–18.
12. Brouder, P., Teoh, S., Salazar, N.B., Hall, C.M., Clausen, H.B. Reflections and discussions: tourism matters in the new normal post COVID-19 // *Tourism Geographies*. – 2020. – 22(3). – Pp. 735–746.
13. Davis, K.G., Kotowski, S.E., Daniel, D., Naylor, J., Syck, M. The Home Office: Ergonomic Lessons From the "New Normal" // *Ergonomics in Design*. – 2020. – 28(4). – Pp. 4–10.
14. Hu, R. COVID-19, smart work, and collaborative space: A crisis-opportunity perspective // *Journal of Urban Management*. – 2020. – 9(3). – Pp. 276–280.
15. Irawan, M.Z., Rizki, M., Joewono, T.B., Belgiawan, P.F. Exploring the intention of out-of-home activities participation during new normal conditions in Indonesian cities // *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*. – 2020. – Vol. 8.
16. Greenhow, C., Chapman, A. Social distancing meet social media: digital tools for connecting students, teachers, and citizens in an emergency // *Information and Learning Science*. – 2020. – 121(5-6). – Pp. 331–342.
17. Yang, K. Unprecedented Challenges, Familiar Paradoxes: COVID-19 and Governance in a New Normal State of Risks // *Public Administration Review*. – 2020. – 80(4). – Pp. 657–664.

Информация об авторах

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.
E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Максимова Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.
E-mail: olga_max@list.ru

Eflova M.Yu., Maximova O.A.

SOCIAL EXCLUSION IN THE CONTEXT OF THE NEW NORMAL: CONCEPTUALIZATION OF THE APPROACH TO RESEARCH

Abstract. An analysis of the main conceptual provisions of the study the concept of "new normal" is presented. The factors shaping society in the conditions of the new normal are revealed, and how these factors cause the aggravation of social exclusion. It is noted that in the conditions of the formation of the "new normal", the main changes are taking place around modern digital technologies that help maintain social sustainability and inclusion, create opportunities for business development, employment, remote work, study, participation in politics, familiarization with culture, as well as new forms of communication. But they also generate new forms of inequality, digital divides. Digital technologies further increase the stratification and asymmetric relations between different groups of the population, create new forms of exclusion, deviant behavior and destruction.

Keywords: new normal, exclusion, digitalization, digital technologies, pandemic, institutional paradigm.

Literature

1. Eflova M.Yu. Social exclusion of deprived groups (drug addicts and people living with HIV) in Russian society (institutionalization strategies and integration experience). Abstract dis. ... doc. sociological Sciences / Mord. state un-t im. N.P. Ogaryov. Saransk, 2015.
2. Bulatov A.S. New normal // World and national economy. No. 3(52). –2020. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost> (дата обращения 1.04.2022).
3. Vieten, U.M. The "new normal" and "pandemic populism": The COVID-19 crisis and anti-hygienic mobilization of the far-right // Social Sciences. – 2020. Vol. 9. – Pp. 165–175.
4. Drinóczi, T., Bień-Kacala, A. COVID-19 in Hungary and Poland: extraordinary situation and illiberal constitutionalism // Theory and Practice of Legislation. – 2020. – № 8(1-2). – Pp. 171–192.
5. Williamson, S., Colley, L., Hanna-Osborne, S. Will working from home become the 'new normal' in the public sector? // Australian Journal of Public Administration). 2020.
6. Leclercq-Vandelannoitte, A., Aroles, J. Does the end justify the means? Information systems and control society in the age of pandemics // European Journal of Information Systems. 2020.
7. Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkaiderova T. V. Reaction to the Covid-19 pandemic of Internet audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media-analytical research) // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2020. – Volume 11. No. 3. – P. 121–142.
8. Eflova M.Yu., Maximova O.A., Ozerova K.A. Civil digital activism and social exclusion in conditions of forced immersion in the digital environment // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2021. – No. 1. – P. 124–128.
9. Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia. Scientific monograph / Under the general editorship of Dr. Sociol. sciences, prof. N.G. Osipova. – M.: Perspektiva, 2021. – 276 p.
10. Mukherjee, M., Chatterjee, R., Khanna, B.K. Ecosystem-centric business continuity planning (eco-centric BCP): A post COVID19 new normal // Progress in Disaster Science. 2020.
11. Scheepers, C.B., Bogie, J. Uber Sub-Saharan Africa: contextual leadership for sustainable business model innovation during COVID-19 // Emerald Emerging Markets Case Studies. – 2020. – 10(3). – Pp. 1–18;
12. Brouder, P., Teoh, S., Salazar, N.B., Hall, C.M., Clausen, H.B. Reflections and discussions: tourism matters in the new normal post COVID-19 // Tourism Geographies. – 2020. – 22(3). – Pp. 735–746.

13. Davis, K.G., Kotowski, S.E., Daniel, D., Naylor, J., Syck, M. The Home Office: Ergonomic Lessons From the "New Normal" // *Ergonomics in Design*. – 2020. – 28(4). – Pp. 4–10.
14. Hu, R. COVID-19, smart work, and collaborative space: A crisis-opportunity perspective // *Journal of Urban Management*. – 2020. – 9(3). – Pp. 276–280.
15. Irawan, M.Z., Rizki, M., Joewono, T.B., Belgiawan, P.F. Exploring the intention of out-of-home activities participation during new normal conditions in Indonesian cities // *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*. – 2020. – Vol. 8.
16. Greenhow, C., Chapman, A. Social distancing meet social media: digital tools for connecting students, teachers, and citizens in an emergency // *Information and Learning Science*. – 2020. – 121(5-6). – Pp. 331–342.
17. Yang, K. Unprecedented Challenges, Familiar Paradoxes: COVID-19 and Governance in a New Normal State of Risks // *Public Administration Review*. – 2020. – 80(4). – Pp. 657–664.

Authors

Eflova Maria Yurievna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications.

E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Maximova Olga Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications.

E-mail: olga_max@list.ru

СТРАШИЙ ВОЗРАСТ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.42-47

Аннотация. На основании общественно-исторических, научно-теоретических подходов автор статьи анализирует общественные представления о старости как социальном феномене. Помимо анализа исторических и научных аспектов автор обращает внимание на последствия государственных, общественных преобразований, произошедших как на территории российского общества, так и за его пределами (внедрение концепции активного старения (2002 г.), пенсионная реформа (2019 г.) эпидемия по COVID-19 (2020 г.)

Автор статьи приходит к выводу, что в зависимости от исторической эпохи представления о лицах старшего возраста варьировались от социального балласта, немощности до социально-экономического потенциала общества. Однако эпидемиологическая ситуация, вызванная COVID-19 во всем мире, способствовала частичному возврату представлений о старости, берущих свое начало в античности. Лица старшего поколения в силу возрастных изменений стали рассматриваться как уязвимая социальная группа, нуждающаяся в изоляции в условиях эпидемиологической ситуации, вызванной COVID-19, от социума. Так, результаты сравнительного анализа, сделанного на основании, проведенного авторского социологического исследования в два этапа (I этап с 2016 по 2017 гг., II этап с 2020 по 2021 гг.), свидетельствуют о снижении социальной активности лиц старшего возраста, в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в России.

Ключевые слова: пожилость, старость, долголетие, пенсионная реформа, COVID-19.

Стремительный рост доли населения, достигшего старшего возраста (согласно данным Всемирной организации здравоохранения общая численность населения, достигшая 60 летнего возраста и старше, с 2015 по 2025 гг. увеличится с 12 до 22 % [1]), проведенная в России пенсионная реформа (с 1 января 2019 г.), а также эпидемиологическая ситуация, вызванная COVID-19 во всем мире, способствовали трансформации устойчивых представлений о старости и определении ее возрастных границ в рамках научного познания.

Стоит отметить, что первые представления о старости берут свое начало в античности, где стариками было принято считать лиц, достигших 15-летнего возраста. Старость в период античности считалась редким явлением в силу частых военных завоеваний и болезней [2]. На ранних этапах общественного развития старики не обладали особыми привилегиями, а напротив, изгонялись из племени. В частности, Ромашова М. В. в своей статье, посвященной историческому экскурсу процесса старения, отмечает, что в эпоху «насилия» (период античности) молодость получила

свои привилегии, а смерть в бою рассматривалась более героической, чем смерть от старости [2]. В эпоху Средневековья средняя продолжительность жизни увеличилась незначительно, с 20 до 30 лет, однако произошедшие в XVIII в. культурные преобразования способствовали смене сложившихся в древности стереотипов. Так, например, в Риме были заложены культурные ценности, в рамках которых старики занимали привилегированное положение. Они наделялись политической властью и являлись хранителями культурных ценностей. В частности, восточная культура содержит в себе свод правил одобряемого поведения для молодого поколения. В нем покорность и уважение к старикам составляет особый принцип конфуцианства. Устои российского общества, принятые в XVIII в., провозглашали не только уважительное отношение к старикам, но и «почитание власти родителей» [3].

Изменение структуры в эпоху постиндустриального общества является следствием увеличения доли населения 60+, а также внедрения государственных программ, в рамках которых лица старшего возраста рассматриваются,

с одной стороны, как хранители культурного наследия, а с другой, как экономический потенциал государства. Так, например, внедренная в 2002 г. концепция активного старения была направлена на решение ряда задач [4]:

1) минимизация разрыва социальных связей после выхода на пенсию по старости с социальными институтами;

2) продление экономической активности после выхода на пенсию по старости. По мнению авторов концепции активного долголетия, возраст с 55 до 74 лет не является препятствием для прекращения трудовой деятельности, так как эпоха постиндустриального общества способствовала частичному отказу от физического труда;

3) пересмотр традиционных представлений, в рамках которых старость рассматривалась как немощность. В современных реалиях пожилые люди - это не бремя, а социально-экономический ресурс современного общества [4].

Несмотря на то, что представления о старости как о социальном феномене берут свое начало в древнейшие времена, первые социологические теории, направленные на изучения особенностей старения и его влияния на сферы общественной жизни, начинают упоминаться с 60-х годов XX в. Данный факт имеет свои объяснения: во-первых, произошел значительный рост продолжительности жизни населения, во-вторых, на протяжении длительного периода времени молодость рассматривалась как «двигатель» общественно-экономического развития, а старость как заключительный этап жизненного цикла, не представляющий особую значимость в социальной среде [2].

Первые социологические теории, такие как: «старение как уменьшение обязательств» (Э. Каммингом, В. Генри), «теория конфликтов» (А. Волкер, С. Филипсон), отражали в себе социально-экономическую нестабильность лиц старшего возраста в социуме. Так авторы теории конфликтов отмечают, что распределение экономических благ в обществе происходит неравномерно, наибольшее вознаграждение получают участники социальных групп, которые принимают активное участие в процессе производства товаров и услуг (Краснова, Лидерс). В частности, Э. Каммингом, В. Генри отмечали, что процесс старения сопровождается ослаблением взаимодействий между индивидом и обществом, что облегчает переход от жизни к смерти [цит. по: Краснова О. В., Лидерс А. Г. [5].

Однако помимо описательных теорий, определяющих место и роль лиц старшего возраста в социуме, остается открытым вопрос, связанный с определением точности используемой научной терминологии («старость», «пожилость» и т. д.) при анализе и описании старости как социального явления. Следует учесть, что социально-экономические преобразования (например, проведение пенсионной реформы), произошедшие в нашей стране,

способствовали актуализации второго вопроса, связанного с определением возрастных границ старости.

Так накопленный научно-теоретический опыт позволил выделить в рамках социологической мысли три подхода (обобщенный, структурный и социально-биологический), отражающие в себе представления о старости как социальном феномене. Согласно первому (обобщенный подход), понятия «старость» и «пожилость» тождественны по своему смыслу и содержанию и определяются как формально установленный возрастной порог, позволяющий индивиду перейти на государственное обеспечение [6].

Представители второго (структурного) подхода берут во внимание тот факт, что старость следует рассматривать как необратимый биологический и социальный процесс. Так, например, Боткин С. П. считает, что старость имеет две формы: физиологическую и патологическую (преждевременную). В первом случае старение организма происходит по результатам прожитых лет, в то же время, если старение организма опережает календарный возраст, то мы имеем дело с патологической (преждевременной) старостью (цит. по: Альперович 1998) [7].

Особый интерес в научной среде вызывает концепция «третьего возраста», представленная в трудах британского историка Питера Ласлетта. По мнению ученого, человеческая жизнь состоит из четырех периодов, каждый из которых обладает характерными чертами и не имеет конкретного возрастного диапазона [8]. Охарактеризуем каждый из этапов возрастной периодизации:

Первый возраст (начинается с момента рождения – до завершения обучения) характеризуется формированием личности и ее вхождением в социум.

Второй возраст (вступление индивида в профессиональную деятельность до момента выхода из нее) характеризуется реализацией своих знаний, умений в общественных сферах (экономической, политической, социальной и др.).

Третий возраст (уход индивида из профессиональной деятельности до полной потери дееспособности) характеризуется предоставлением индивидам большей свободы и уменьшению обязательств перед социальными институтами и их участниками.

Четвертый возраст – период полной зависимости индивида от окружающих в силу физической немощности.

В рамках третьего (социально-биологического) подхода, старость определяется календарным возрастом, под которым следует понимать хронологический возраст, подтверждающийся документально (например, свидетельство о рождении, паспорт). Согласно историческим сведениям, государство как социальный институт вплоть до конца XVII в. не осуществляло функций, направленных на социальную поддержку лиц старшего возраста. Пер-

вые законы и социальные программы берут свое начало с XVIII в. [9].

Особенность третьего подхода заключается в том, что государство самостоятельно устанавливает возрастной ценз выхода граждан на пенсию по старости. В данном случае обратимся к российскому опыту, в рамках которого на протяжении 90 лет существовали формально установленные сроки выхода граждан на пенсию по старости (мужчины с 60 лет, женщины с 55 лет) [10]. Инициированная в нашей стране реформа, проведенная 1 января 2019 г., способствовала увеличению пенсионного возраста на пять лет (мужчины с 65 лет, женщины с 60 лет), что не могло не отразиться на социально-экономическом благополучии граждан, находившихся на этапе выхода на пенсию по старости. Несмотря на то, что внедренные нововведения носят поэтапный характер (с 2019 по 2021 гг.), выход граждан на пенсию по старости зависит от года рождения и пола (см. табл. 1). Итогом проведения пенсионной реформы явилось образование в структуре российского общества новой социальной группы, которая обладает отличительными чертами: а) высокий уровень профессионализма и компетентности; б) временный характер существования (см. табл. 1).

Следует отметить, что вопрос, касающийся определения возрастных границ старости, остается спорным в научном сообществе, и в зависимости от исторической эпохи изменяет свои возрастные границы. Основываясь на

возрастной периодизации, представленной Всемирной организацией здравоохранения, старость как социальный феномен включает в себя три этапа: пожилость, старость и долголетие [12]. Однако пенсионная реформа способствовала внесению изменений в структуру российского общества в силу увеличения календарного возраста выхода на пенсию по старости. Образовавшаяся стихийно социальная группа в структуре российского общества, включающая в себя лиц находившихся на этапе выхода на пенсию по старости, дала возможность рассматривать старость как один из жизненных циклов, включающий в себя четыре этапа, каждый из которых характеризуется особенностями календарного возраста, гендерной принадлежности и т. д. (см. табл.2).

Особо следует обратить внимание, на то, что проводимая государственная политика в последние десятилетия была ориентирована на активное включение лиц старшего возраста в различные сферы общественной жизни, смену сложившихся традиционных представлений, характеризующих старость как немощность, и увеличения возрастных порогов выхода индивидов на пенсию по старости. Однако вызванная в начале 2020 года эпидемиологическая ситуация COVID-19 во всем мире способствовала образованию «конфликта между поколениями». Лица старшего возраста оказались наиболее уязвимой группой, которая в силу возрастных изменений нуждалась в изоляции от социума. Результаты авторского социологического исследования,

Таблица 1

Определение предпенсионного возраста в зависимости от года и пола гражданина РФ [11]

Текущий год, возникновения права выхода на пенсию	Год рождения (муж.)	Начало предпенсионного возраста (муж.)	Год рождения (жен.)	Начало предпенсионного возраста (жен.)
2019-2020 гг.	1959	56 лет	1964	51 год
	1960	57 лет	1965	52 года
	1961	58 лет	1966	53 года
2021 г.	1962 г.	59 лет	1967 г.	54 года
начиная с 2023 г.	–	65 лет	–	60 лет

Таблица 2

Периодизация жизненного этапа – старость

Предпенсионеры	Пожилость	Старость	Долголетие
<i>Календарный возраст</i>			
от 55 до 59 лет	от 60 до 74 лет [12]	от 75 до 90 лет [12]	от 90 и более лет [12]
<i>Определение</i>			
Индивиды, получившие со стороны государства «отсрочку» в получении пенсии по старости	Социальный участник, отошедший от участия в трудовой деятельности или достигший пожилого возраста	Возрастной период жизни организма, сопровождающийся характерными изменениями в организме	Достижение индивидом возраста, значительно превышающего среднюю продолжительность жизни
<i>Социальные структуры, распределяющие лиц старшего возраста по возрастным группам</i>			
государство	государство, пенсионный фонд	Всемирная организация здравоохранения	Всемирная организация здравоохранения
<i>Гендерные особенности</i>			
Гендерных особенностей не выявлено	В России с 1 января 2019 г., для мужчин с 65 лет, а для женщин с 60 лет	Гендерных особенностей не выявлено	Гендерных особенностей не выявлено

проведенного в Волгограде в период с 2016 по 2017 гг. (1 этап, n=500 чел., тип выборки -многоступенчатая), и с ноября 2020 по март 2021 гг. (2 этап, n=400 чел., тип выборки – многоступенчатая) методом анкетирования, позволили прийти к следующим выводам: во-первых, за период введения эпидемии сократилась социальная активность лиц старшего возраста. Так, если на первом этапе исследования 16,8 % опрошенных респондентов отмечали, что посещали клубные учреждения для лиц пожилого возраста, то уже в 2020 году данный показатель заметно снижается, составляя всего 1,0 % от числа опрошенных (см. табл. 3).

Во-вторых, в процессе проведения исследования респондентам был задан вопрос: «С какими трудностями Вы столкнулись в период коронавирусной инфекции?». Среди предлагаемых вариантов ответов чаще всего респонденты отмечали вариант, связанный с затруднением в предоставлении медицинских услуг (30,7%) и ограничение в общении со сверстниками / родственниками (43,7%) (см. рис. 1).

Подводя итог, следует отметить, что старость как социальное явление на различных этапах общественного развития (начиная с древнего мира по настоящее время) имела свои особенности интерпретации. Развитие и усложнение социальной структуры общества в целом, с одной стороны, привели к увеличению возрастного ценза старости, а с другой, проведение государственных преобразований дали толчок к пролонгированию профессионально-трудовой деятельности лиц старшего возраста.

Проведенный анализ научно-теоретических подходов (обобщенный, структурный, социально-биологический), изучение последствий пенсионной реформы, проведенной на территории России, способствовали определению старости как одного из этапов жизненного цикла, включающего в себя в зависимости от календарного возраста, гендерной принадлежности четыре этапа (предпенсионеры, пожилость, старость и долголетие).

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы обычно проводите свое свободное время?», %%**

Варианты ответов	Год	
	2016	2020
читаю журналы, книги	21,8	61,0
смотрю телевизор	28,1	33,0
занимаюсь садом на приусадебном участке	15,4	19,4
занимаюсь рукоделием	6,7	8,0
занимаюсь воспитанием внуков	11,2	12,2
посещаю клубные учреждения для пожилых людей	16,8	1,0
Итого	100	100

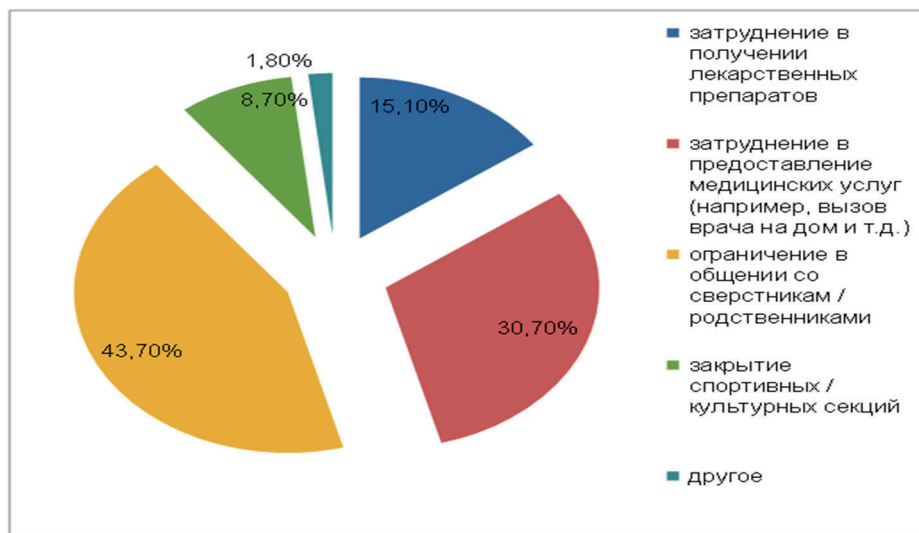

Рис. 1. С какими трудностями Вы столкнулись в период коронавирусной инфекции? (%)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьев Р.В., Короткова А.В. Аналитический обзор проблем здорового старения в странах Европейского региона и РФ // Социальные аспекты здоровья населения. – 2016. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskiy-obzor-problemy-zdorovogo-stareniya-v-stranah-evropeyskogo-regiona-voz-i-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения 25.02.2020).
2. Ромашова И.В. Старость как социальная проблема современного общества // Вестник ЧитГУ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starost-kak-sotsialnaya-problema-sovremennogo-obschestva/viewer> (дата обращения 12.01.2020).
3. Смирнова Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-pozhilyh-lyudey-sotsiologicheskij-analiz> (дата обращения 07.06.2019).
4. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-aktivnogo-stareniya-v-evrope-i-rossii-pered-litsom-pandemii-covid-19/viewer> (дата обращения 02.02.2022).
5. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Психология старости и старения / О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – ИЦ Академия, 2003. – 288 с.
6. Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 61–64.
7. Альперович В.Д. Старость социально-философский анализ. – Ростов-на-Дону, 1998. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/alipiroviht_starost/01.aspx (дата обращения 07.06.2019).
8. Jonsson H. The First Steps into the Third Age: The Retirement Process from a Swedish Perspective // Occupational therapy international. – 2010. – № 1. – P. 32–38.
9. Давыдова О.В., Старостенко А.М. Теоретические подходы к изучению социальной защиты пожилых людей // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 4. – С. 36–38.
10. Пудовкин А.В. Анализ системы пенсионного обеспечения в СССР // Вестник МГИМО университета. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sistemy-pensionnogo-obespecheniya-v-sssr/viewer> (дата обращения 12.07.2020).
11. Предпенсионный возраст. – URL: <http://www.lgoty-help.ru/pensii-novosti/predpensionnyj-vozrast/> (дата обращения 11.07.2020).
12. Возрастная классификация Всемирной организации здравоохранения. – URL: <https://agesecrets.ru/vozrast/vozrastnaya-klassifikatsiya-vsemimnoj-organizatsii-zdravoohraneniya> (дата обращения 12.07.2020).

Информация об авторе

Лещенко Любовь Александровна, соискатель кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета.

E-mail: LLA24011@yandex.ru

Leshchenko L.A.

INFLUENCE OF STATE TRANSFORMATIONS ON PERCEPTIONS AND AGE PERIODIZATION ABOUT OLDER PERSONS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Based on socio-historical, scientific and theoretical approaches, the author of the article analyzes public perceptions of old age as a social phenomenon. In addition to analyzing historical and scientific aspects, the author draws attention to the consequences of state and social transformations that have occurred both on the territory of Russian society and beyond (the introduction of the concept of active aging (2002), pension reform (2019), the COVID-19 epidemic (2020)).

The author of the article comes to the conclusion that, depending on the historical epoch, the ideas about older people ranged from social ballast, infirmity to the socio-economic potential of society. However, the epidemiological situation caused by COVID-19 around the world contributed to a partial return of ideas about old age originating in antiquity. Persons of the older generation, due to age changes, began to be considered as a vulnerable social group in need of isolation from society in the conditions of the epidemiological situation caused by COVID-19. Thus, the results of a comparative analysis made on the basis of the author's sociological research conducted in two stages (stage I from 2016 to 2017, stage II from 2020 to 2021) indicate a decrease in the social activity of older people due to the current epidemiological situation in Russia.

Keywords: old age, old age, longevity, pension reform, COVID-19.

Literature

1. Vorobyev R.V., Korotkova A.V. Analytical review of the problems of healthy aging in the countries of the European region and the Russian Federation // Social aspects of public health. – 2016. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskiy-obzor-problemy-zdorovogo-stareniya-v-stranah-evropeyskogo-regiona-voz-i-rossiyskoy-federatsii/viewer> (accessed 25.02.2020).
2. Romashova I.V. Old age as a social problem of modern society // Bulletin of the CHITSU. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starost-kak-sotsialnaya-problema-sovremennogo-obschestva/viewer> (accessed 12.01.2020).
3. Smirnova T. V. Social status of the elderly: a sociological analysis // proceedings of the Tula state University. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-pozhilyh-lyudey-sotsiologicheskoy-analiz> (accessed 07.06.2019).
4. Grigorieva I., Bogdanova E. the Concept of active ageing in Europe and Russia in the face of the pandemic COVID-19 // Journal of social studies. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-aktivnogo-stareniya-v-evrope-i-rossii-pered-litsom-pandemii-covid-19/viewer> (accessed 02.02.2022).
5. Krasnova O.V., Leaders A.G. Psychology of old age and aging / O.V. Krasnova, A.G. Leaders. – IC Academy, 2003. – 288 p.
6. Molevich E.F. On the analysis of the essence and form of social old age // Sociological research. – 2001. – No. 4. – Pp. 61–64.
7. Alperovich V.D. Old age socio-philosophical analysis. – Rostov-on-Don, 1998. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/alipirovht_starost/01.aspx (accessed 07.06.2019).
8. Jonsson H. The First Steps into the Third Age: The Retirement Process from a Swedish Perspective // Occupational therapy international. – 2010. – № 1. – P. 32–38.
9. Davydova O.V., Starostenko A.M. Theoretical approaches to the study of social protection of the elderly // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2013. – No. 4. – Pp. 36–38.
10. Pudovkin A.V. Analysis of the pension system in the USSR // Bulletin of MGIMO University. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sistemy-pensionnogo-obespecheniya-v-sssr/viewer> (accessed 12.07.2020).
11. Pre-retirement age. – URL: <http://www.lgoty-help.ru/pensii-novosti/predpensyonnyj-vozrast/> (accessed 11.07.2020).
12. Age classification of the World Health Organization. – URL: <https://agesecrets.ru/vozrast/vozrastnaya-klassifikatsiya-vsemiroj-organizatsii-zdravoohraneniya> (accessed 12.07.2020).

Author

Leshchenko Lyubov Aleksandrovna, candidate of the Department of Sociology and Political Science of Volgograd State University.

E-mail: LLA24011@yandex.ru

РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.48-51

Аннотация. В статье рассматривается место креативных индустрий в экономике европейских городов, их место в разработке творческих продуктов и услуг на территории Российской Федерации. Кратко анализируется эволюция креативных пространств в Республике Татарстан, их специфика. В рамках результатов авторского эмпирического исследования (невключенное наблюдение, полуформализованное интервью (n = 4), г. Казань, 2021–22 гг.) характеризуется роль креативных пространств г. Казани как агента социализации молодежи, формулируются условия, при выполнении которых социализирующая деятельность креативных пространств является наиболее эффективной. Формулируются рекомендации применения выводов исследований в работе с молодежью административных и общественных структур, НКО, при разработке стратегий, программ и социальных проектов.

Ключевые слова: креативное пространство, социализация молодежи, городская среда, социальные инновации, молодежная субкультура

На современном этапе развития общества креативные индустрии выступают в качестве весомой составляющей экономики европейских городов, т.к. они позволяют создавать новые рабочие места и стимулируют развитие экономики. Согласно отчетам о развитии креативных индустрий Лондона [1], с 2009 года рост креативных индустрий происходит ежегодно даже несмотря на то, что в период 2009-2012 годов отмечался небольшой спад. В 2012 году доля вклада креативных индустрий в общую валовую добавленную стоимость Лондона составила 10,7%. Согласно третьему отчету о деятельности креативных индустрий Берлина [2], роль креативных индустрий в экономике также была подтверждена.

На территории Российской Федерации, согласно исследованиям отечественных ученых [3], доля отраслей, деятельность которых заключается в разработке творческих продуктов и услуг, по сравнению с другими странами крайне мала, при этом в России отмечается наличие дефицита производства качественных творческих продуктов. Однако отмечается постоянный рост количества креативных пространств в Москве и Санкт-Петербурге, а также увеличение их роли в развитии городской культурной среды.

В Республике Татарстан первые креативные пространства появились в 2012-2013 годах. Одними из первых были

антикафе «Циферблат», где можно интересно провести досуг, и книжный магазин «Сквот». 7 декабря 2013 года открылся независимый проект «Центр современной культуры «Смена», где основной акцент ставился на искусство. На сегодняшний день команда проекта провела несколько сотен мероприятий, начиная с выставок и заканчивая музыкальными концертами. Затем, по примеру Москвы и Санкт-Петербурга возник запрос на пространство, которое бы совмещало в себе функции творческой резиденции и коворкинга. В 2015 году открылась «Резиденция креативных индустрий «Штаб» по инициативе Регионального общественного фонда поддержки молодежных инициатив «Фактор будущего» и Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан. На базе «Штаба» в том же году была создана театральная лаборатория «Угол» при поддержке фонда «Живой город».

Необходимо отметить, что Республика Татарстан уникальна своим национальным колоритом и культурным разнообразием, в условиях которых развиваются креативные пространства. На данный момент Казань занимает третье место в индексе креативного капитала городов [4]. Регион является одним из лидеров в IT-отрасли, существует развитая инфраструктура для творчества и бизнеса, появляются новые общественные пространства. Для Республики Та-

тарстан сейчас важно сохранить и переосмыслить свою национальную идентичность, сделать производимые на ее основе продукты и услуги современными, актуальными и конкурентоспособными. Самые новые примеры креативных пространств - независимое музыкальное арт-пространство на территории бывшей мебельной фабрики «Werk» (2019 г.) и Национальная библиотека Республики Татарстан в здании бывшего НКЦ «Казань» (2020 г.).

В большинстве своем подобные объекты открываются активными горожанами, представителями культуры, которых интересует развитие городской среды. Они объединяют вокруг своей деятельности молодых людей и способствуют реализации творческого потенциала. Креативные пространства обеспечивают взаимодействие молодежи и институтов культуры и образования в инновационной и интерактивной форме, реализуя ее социокультурные запросы в современном городе. Виды деятельности креативных пространств, их формат и принципы работы диктуются непосредственно интересами молодежи. В свою очередь, пространства предлагают молодежи ознакомиться с интересующими темами, прививают ей определенные установки.

Креативные пространства выступают в качестве демонстрационного примера того, как молодежь и различные социальные институты влияют друг на друга. Различные типы креативных пространств, их формат и принципы работы соответствуют запросам и интересам, исходящим со стороны молодежи. Пространства позволяют представителям молодого поколения лучше погрузиться в изучение интересующих им тем и влияют на формируемые у них установки. Основными тенденциями развивающего влияния на личность в рамках досугово-образовательной деятельности являются: самопознание и расширение границ субъективной картины мира, совершенствование поведенческих стратегий, повышение социальной зрелости и адаптации личности [5].

Креативные пространства имеют множество типов и форм, которые ориентированы на выполнение различных функций. В исследовании Д.Н. Абрамова [6] представлена классификация креативных пространств, среди которых он выделяет следующие: творческий кластер, антикафе, коворкинг, культурный центр, галереи. Также в этот список автор включает бары, кафе, библиотеки, музеи, кинотеатры, фотостудии, хостелы и другие типы. Однако, согласно заключениям других авторов, данную классификацию нельзя принимать за истинную, т.к. креативные пространства, как правило, являются multifunctional площадками, включающими в себя бары, выставочные пространства, кафе и многое другое.

Наиболее удачную классификацию предоставляет Д.Н. Суховская, которая выделяет среди креативных про-

странств лофты, арт-пространства, зоны коворкинга, арт-кварталы и центры современного искусства. Также ею включается в данную классификацию антикафе, т.к. на основании мнения создателей данный тип также является креативным, а вся его концепция сосредоточена на творческой деятельности [7].

В рамках авторского эмпирического исследования ставились задачи выявления социализирующего влияния деятельности креативных пространств г. Казани на молодежную аудиторию, определения условий, необходимых для повышения их роли и эффективности в работе с молодежью в современном городе. В ходе исследования была реализована качественная стратегия: неструктурированное наблюдение в креативном пространстве (ноябрь 2021 г. – февраль 22 г., креативные пространства г. Казань) с целью определения посещаемости молодежи и наиболее популярных видов деятельности; полуструктурированное интервью с экспертами в данной области (n=4) – учеными и практиками, связанными с функционированием творческих лабораторий, центров, резиденций креативных индустрий (Резиденция креативных индустрий «Штаб», Центр современной культуры «Смена», Творческое пространство «Маяковский», Творческая лаборатория «Театр-Вентилятор»), с целью получения дополнительной информации и конкретизации проблем.

Согласно результатам теоретических и авторских эмпирических исследований [8] можно констатировать следующие положения и выводы.

1) Социализация молодежи – это сложный и многогранный феномен, включающий в себя многие аспекты жизнедеятельности и отличающийся неоднородностью объекта. Для полноценного рассмотрения социализации молодежи необходим междисциплинарный подход, а также рассмотрение новых институтов социализации как полноправных участников этого процесса. Социализация молодежи в настоящее время осуществляется в сложных условиях: стремительно меняющиеся ценности, отсутствие запроса на определенные качества личности, расщепление единого процесса социализации между разными институтами, неконтролируемый характер процесса социализации в современном мире. Успешность процесса социализации зависит от собственной активности индивида, а также от выбранной формы воздействия в рамках института социализации.

2) Креативное пространство – это сложное образование, не сводимое к пространственной форме существования и экономическим целям создания. Креативные пространства, как правило, включают в себя два основных компонента: материальное наполнение (организация пространства, дизайн, арт-объекты и т.д.) и разнообразные формы человеческой общественной деятельности

(лекции, выставки, ярмарки, студии и т.д.) Таким образом, креативные пространства – это не только организованные площадки или территории, но и фактор многопланового взаимодействия молодежи между собой, ее обучения, воспитания, самореализации и социализации. Одними из главных факторов влияния на молодежь являются ее собственная активность и добровольность участия. Оценка эффективности воздействия креативных пространств не сводима к количественным показателям. Ее возможно оценить только интенсивностью и качеством социализирующего воздействия.

3) Креативные пространства, согласно экспертным оценкам, оказывают значимое влияние на формирование сознания социокультурных образцов поведения молодого поколения. Разные виды деятельности имеют различный потенциал эффективности в социализации молодежи. Виды деятельности, в которых сама молодежь проявляет активность и вовлеченность, являются наиболее эффективными. В качестве условий эффективности социализирующей деятельности креативных пространств можно назвать:

– творческая свобода и обеспечение условий для развития индивидуальности;

– включенность и самостоятельная активность молодежи в процессе социализирующей деятельности;

– соответствие организации пространства и материально-технической базы потребностям целевой аудитории;

– инновационность формата деятельности и соответствие интересам молодежи;

– активность трансляции норм и ценностей в процессе социализирующей деятельности;

– степень взаимодействия между участниками (представителями целевой аудитории) в процессе социализирующей деятельности.

Положения и выводы проделанной работы применены в работе с молодежью органов региональной и муниципальной власти, в деятельности социально-ориентированных НКО, учреждений образования и культуры, функционировании креативных площадок г. Казани при разработке и реализации социальных проектов, организационно-информационном их сопровождении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Togni L. The creative industries in London report. Working paper 70. 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.london.gov.uk/sites/default/files/creative-industries-in-london.pdf> (дата обращения: 5.03.2022)
2. Projekt Zukunft Initiative. Third Creative Industries Report. Development and Potential. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.berlin.de/projektzukunft/uploads/tx_news/KWB13_Inhalt_engl_01.pdf (дата обращения: 5.03.2022)
3. Гордин В.Э. Анализ образовательного потенциала креативных пространств / В.Э. Гордин, К.А. Кузьмина, М.В. Никольская // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – №1 (26).
4. Индекс креативного капитала // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pwc.ru/publications/creative-capital-index.html> (дата обращения 4.03.2022)
5. Рыбакова Н.В. Досуг молодежи в культурном пространстве современного города: дисс. к. филос. н. – Волгоград, 2008. – 145 с.
6. Абрамов. Д.Н. Креативное пространство: что, как и зачем. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slideshare.net/dmitryabramov9/ss-34706403/> (дата обращения 4.03.2022)
7. Суховская Д.Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории / Д.Н. Суховская // Молодой ученый. – 2013. – № 10. – С. 650–652.
8. Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р. Идентификационный портрет населения Республики Татарстан: роль социальных институтов и особенности социализации личности в постсоветской России (на материалах КСИ 1990-х – 2014 гг.) // Монография – Казань: ООО «Офсет-Сервис», 2015. – 152 с.

Информация об авторах

Салкова Екатерина Константиновна, студент магистр, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
E-mail: catherine.salkova@yandex.ru

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, д. социол. н., проф. кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, гл. н. с. ЦПЭИ АН РТ.

E-mail: iouldouz@narod.ru

THE ROLE OF CREATIVE SPACES IN THE SOCIALIZATION OF YOUTH IN MODERN DOMESTIC CONDITIONS

Abstract. The article discusses the place of creative industries in the economy of European cities, their place in the development of creative products and services in the Russian Federation. The evolution of creative spaces in the Republic of Tatarstan and their specifics are briefly analyzed. As part of the results of the author's empirical study (non-participant observation, semi-formalized interview (n = 4), Kazan, 2021-22), the role of creative spaces in Kazan as an agent of youth socialization is characterized, conditions are formulated under which the socializing activity of creative spaces is the most efficient. The data obtained are applicable in the work with youth of administrative and public structures, non-profit organizations, in the development of strategies, programs and social projects.

Keywords: creative space, youth socialization, urban environment, social innovations, youth subculture

Literature

1. Togni L. The creative industries in London report. Working paper 70. 2017. [Electronic resource]. – URL: <https://www.london.gov.uk/sites/default/files/creative-industries-in-london.pdf> (Accessed 03/05/2022)
2. Projekt Zukunft Initiative. Third Creative Industries Report. Development and Potential. 2014. [Electronic resource]. – URL: http://www.berlin.de/projektzukunft/uploads/tx_news/KWB13_Inhalt_engl_01.pdf (Accessed: 5.03.2022)
3. Gordin V.E. Analysis of the educational potential of creative spaces / V.E. Gordin, K.A. Kuzmina, M.V. Nikolskaya // International Journal of Cultural Studies. – 2017. – No. 1 (26).
4. Index of creative capital // [Electronic resource]. – URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/creative-capital-index.html> (accessed 03/04/2022)
5. Rybakova N.V. Leisure of youth in the cultural space of a modern city: diss. k. philos. n. – Volgograd, 2008. – 145 p.
6. Abramov. E. Creative space: what, how and why. [Electronic resource]. – URL: <http://www.slideshare.net/dmitryabramov9/ss-34706403/> (accessed 03/04/2022)
7. Sukhovskaya D.N. Realization of the creative potential of the population through the creative spaces of the city: lofts, coworking zones, art territories / D.N. Sukhovskaya // Young scientist. – 2013. – No. 10. – S. 650–652.
8. Khairullina Yu.R., Khairullin R.R. Identification portrait of the population of the Republic of Tatarstan: the role of social institutions and features of the socialization of the individual in post-Soviet Russia (based on the materials of the KSI of the 1990s - 2014 / / Monograph - Kazan: Offset-Service LLC, 2015. – 152 p.

Authors

Salkova Ekaterina Konstantinovna, master student, Kazan (Volga Region) Federal University.

E-mail: catherine.salkova@yandex.ru

Khayrullina Yulduz Rakibovna, Doctor of Sociology, Professor at the Department of General and Ethnical Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, main scientific worker of CAER AS RT.

E-mail: iouldouz@narod.ru

СТАТУС И РОЛЬ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ОЦЕНКАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.52-55

Аннотация. В современных условиях, связанных с возрастанием роли цифровых технологий как в обществе в целом, так и в системе высшего образования в частности, меняются функции и роли преподавателя в образовательном процессе. Участниками данного процесса выступают и преподаватели, и студенты и поэтому для изучения статусно-ролевых характеристик педагога высшей школы, необходимо учитывать мнение обеих сторон. С помощью авторского исследования методом опроса студентов (n=1372) и профессорско-преподавательского состава (n=419) Казанского (Приволжского) федерального университета, были выявлены как противоречия, так и общие представления о статусе и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации образования.

Ключевые слова: студент, преподаватель, система высшего образования.

Происходящие в условиях современной цифровизации образования изменения в образе, статусе и роли преподавателя, безусловно, ощущаются обеими сторонами: и студентами, и самими преподавателями. Несмотря на трансформирующийся характер старых ролей в образовательном процессе под новые требования общества, направления такой трансформации, ее видение различны в представлении студентов и преподавателей, что сказывается на противоречивости отношений между ними.

В последние годы одни из направлений исследования в области изучения высшей школы были сосредоточены на изменениях, происходивших в структуре и социальном статусе преподавателя [1, 2], его профессиональной мотивации [3.], мобильности и особенностях занятости преподавателей [4].

Для выявления представлений студентов и педагогов высшей школы о роли преподавателя в современном образовательном процессе, автором было проведено социологическое исследование – опрос. В анкетировании приняли участие 1372 студента Казанского (Приволжского) федерального университета, представляющих различные половозрастные группы студенческого сообщества. Также был проведен опрос профессорско-преподавательского состава КФУ (n=419). Преподавательский стаж большинства участвовавших в опросе преподавателей более 16 лет

(46,2%), от 11 до 15 лет – 18,4%, от 6 до 10 лет – 19,4%, остальные преподают менее 5 лет. Результаты проведенного исследования позволили провести социологический анализ данных не только в контексте их количественной оценки, но и качественной, сделать следующие обобщения и выводы.

При оценке трансформации статуса преподавателя были задействованы как подвластные влиянию профессорско-преподавательского состава критерии, так и не зависящие от них. В противоречие с мнением студентов вступает согласие 57% преподавателей с высказыванием о влиянии возраста преподавателя с увеличением компьютерных технологий в образовательном процессе. Студенты уверены, что при желании постоянного саморазвития вполне возможно догнать поколение молодых преподавателей в области освоения информационно-коммуникационных технологий: более половины респондентов (52,3%) не считают возраст значимым показателем; всего для 18% студентов он оказывается важен. Более старшие преподаватели развиваются и совершенствуются в средствах цифрового пространства, а потому только 39% опрошенных считает, что старшее поколение преподавателей плохо разбирается в технике, компьютерных программах и прочих электронных ресурсах, тогда как половина участвовавших в опросе студентов не подтверждают наличие цифрового неравенства, где преподаватели старшего возраста ока-

зываются не столь компетентны, как молодые. Описанное противоречие между студентами и преподавателями лишь раз подтверждает необходимость введения дополнительных курсов для нивелирования цифрового неравенства ввиду возрастных ограничений.

По мнению половины преподавателей, в современных условиях, связанных с возрастанием роли цифровых технологий, наиболее важное место в работе преподавателя занимает его научный капитал, состоящий из научных публикаций, ученых степеней, званий. Это сильно противоречит представлению студентов о статусе преподавателя, для которых другие критерии имеют гораздо большее значение. Например, коммуникабельность в общении со студентами, коллегами и начальством, оцененная всего 28,9% преподавателей как приоритетный вариант, по мнению студентов, занимает действительно значимое место среди преподавательских компетенций. Так, около 81,5% студентов за ценное качество, играющее важную роль при формировании преподавательского образа, считают доброжелательное отношение к студентам.

Стоит отметить связанное с предыдущим противоречие в представлениях студентов и преподавателей, касающееся преподавательского статуса. Ввиду развития и внедрения цифровых технологий перед участниками образовательного процесса открылись новые каналы связи, снизившие уровень формализованности общения преподавателей и студентов и повлекшие нарушение рабочих и личных границ преподавателей: действительно, 15,9% студентов могут сделать звонок в выходной день, 31,8% опрошенных считают приемлемым связываться посредством отправки СМС-сообщений в выходные дни, 19,2% допускают написание СМС-сообщений преподавателю в ночное время. Большая часть преподавателей (71,7%) высказывается о таком явлении как о недостатке информационно-коммуникационных технологий, из которых 37,5% респондентов замечают отсутствие должного уважения и культуры общения со стороны студентов. В то время как преподаватели склонны расценивать данное явление негативно, студенты транслируют положительное отношение к неформальному общению, располагающему к более комфортной обстановке в процессе получения знаний, что, по их мнению, напрямую влияет на качество и эффективность усвоения материала.

Понимание важности высокой коммуникабельности в современном мире приводит к тому, что требования к коммуникативной компетентности предъявляются не только к преподавателям. В современных цифровых реалиях 22,3% преподавателей в качестве своей задачи видят формирование коммуникативной компетенции, выраженной в способности успешной и эффективной коммуникации,

приобретающей все большее значение в эпоху информационно-коммуникационных технологий, когда большое количество людей оказывается постоянно погружено во взаимодействие с другими. Не менее важно это становится ввиду сформировавшегося рынка труда, на котором активно развивается сфера услуг, а потому профессиональная траектория выпускника ВУЗа напрямую зависит от имеющихся у него коммуникативных компетенций. Это понимают студенты, а потому ожидают от преподавателей проектирования занятий, на которых обучающиеся могли бы совершенствоваться в данной области. Так, 59,8% респондентов предпочитают формат проведения занятий в виде дискуссионных обсуждений различных проблем, формат вопрос-ответ, что способствует большему не только усвоению материала дисциплины, но и закреплению некоторых навыков коммуникации; примерно 88% респондентов хотели бы, чтобы преподаватели использовали специальные технологии, помогающие организовать процесс свободной коммуникации, обмена мнениями, суждениями. Однако из данных опроса видно, что преподаватели готовы выстраивать занятия подобным образом, формируя у обучающихся навыки общения и взаимодействия с другими, так как 43,9% опрошенных преподавателей среди основных задач отметили организацию индивидуальной и командной работы обучающихся.

Всего треть преподавателей считает умение ориентироваться в цифровых технологиях приоритетным вариантом на фоне других черт преподавателя, необходимых в современных условиях цифровизации, несмотря на то, что студенты предпочитают посещать те занятия, на которых в полной мере реализуются информационно-коммуникационные возможности. Согласно требованиям студентов к профессорско-преподавательскому составу, 72% участвовавших в опросе студентов в процессе оценивания компетенций преподавателя и его профессионализма будут учитывать и аспект использования компьютерных технологий в образовательном процессе. Реализация в преподавательской деятельности возможностей информационно-коммуникационных технологий, то есть именно показ электронных презентаций, видеороликов, картинок и т.д., оказывается предпочтительным вариантом подачи материала для 82% студентов, вероятно, по причине более эффективного усвоения предмета при включении сразу нескольких каналов восприятия информации. Безусловно, навык пользования цифровыми технологиями и успешного их применения на занятиях будет в глаза студентов существенным преимуществом для каждого преподавателя.

Более того, студенты высказывают запрос к преподавателям, в соответствии с которым последние должны принимать активное участие в формировании профессиональ-

ных компетенций, обучающихся в области ориентирования в сформировавшемся информационном поле, учить их находить и отличать ценные ресурсы, предоставлять площадки и возможности для реализации творческого потенциала студенческой молодежи. С этим согласна и доля преподавателей: 41,4% респондентов выделили развитие критического мышления в процессе поиска и отбора информации в обширной цифровой среде как одну из своих основных задач в современных цифровых реалиях.

Большинство студентов (84,9%) среди задач преподавателя видят также стремление заинтересовать обучающихся в своей дисциплине. Как следствие – для 86,2% респондентов главная причина нежелания посещать занятия состоит в неинтересной, скучной подаче материала. В отличие от студентов, склонных переносить ответственность за качество своего образования на преподавателей, почти все респонденты-преподаватели (91,7%) уверены, что ответственность за успехи студента в университете должны нести и университет, включая профессорско-преподавательский состав, и сам студент. Пока университет делает все возможное, чтобы студент реализовал свой потенциал, обучающийся должен также прилагать все усилия, чтобы воспользоваться предоставленными возможностями саморазвития.

Ведущей ролью преподавателя, по мнению 54% респондентов-преподавателей, является наставничество, что вполне соответствует представлению студентов о современном преподавателе, который, имея индивидуальный подход к каждому студенту, учит новые поколения ориентироваться в информационном поле и развивает личностные и профессиональные качества студентов. Данный показатель совпадает с мнением студентов, из которых 58,6% признали важность наставничества в учебном процессе. Через наставничество преподаватель способен указать пути и направления обучения, что повышает качество всего образовательного процесса. В то время как 40,6% участвовавших в опросе преподавателей говорят об общей тенденции снижения и ослабления роли профессорско-преподавательского состава в образовательном процессе, 33,5% респондентов-студентов решающую роль в учебном процессе приписывают именно преподавателю. С одной стороны, это еще раз подчеркивает перенос студентами на преподавателя ответственности за успехи и реализацию в учебной деятельности. С другой стороны, делает преподавателя в глазах студента действительно значимым лицом, от которого зависит качество полученных знаний и уровень их усвоения. Последнее же говорит о схожести в представлениях о будущем преподавателя и его роли в образовательном процессе. Большинство преподавателей уверены, что профессия еще долго будет актуаль-

на даже в условиях все большей цифровизации образования. 44,9% считают, что распространяющиеся электронные образовательные курсы и программы не способны заменить преподавателя, так как преподаватель выполняет множество других функций помимо передачи знаний, в том числе функцию педагогическую. Среди студентов заявить об утрате актуальности преподавательской профессии, несмотря на бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, делающих знания общедоступными и предоставляющих возможности самостоятельного получения умений и навыков, готовы всего 1,7% обучающихся, что свидетельствует о признании в глазах студентов важности преподавательской роли.

Таким образом, можно сделать вывод, что происходящие трансформации в образовании, внедрение компьютерных программ и информационных технологий еще долгое время не смогут вытеснить профессорско-преподавательский состав с рынка труда. Преподаватель, что признанно обеими сторонами учебного процесса, обладает качествами и характеристиками, которые не могут быть заменены цифровыми технологиями на данной стадии их развития. Среди таких задач, которые ожидаются от преподавательской деятельности, формирование профессиональных и личностных компетенций, стимулирование и развитие творческого потенциала. Прямая передача теоретического знания перестает быть столь значимой задачей преподавателя в силу того, что она уже частично заменена информационно-коммуникационными технологиями. Примером могут служить как набравшие популярность подкасты, лектории в социальных сетях, так цифровые площадки, на которые могут быть загружены один раз записанные лекционные занятия и воспроизводимые многократно, в том числе такого формата придерживается электронный образовательный ресурс КФУ. Традиционные лекционные занятия теряют актуальность; однако студенты сами предлагают преподавателям выход из такой ситуации, высказываясь о предпочтениях дискуссионных форматов, что, способствуя включенности в образовательный процесс и взаимодействие с другими людьми, выгодно отличает очное лекционное занятие с преподавателем от аналогичного электронного формата. Следовательно, главным отличием от цифровых образовательных технологий является коммуникация с другими участниками учебного процесса, а потому для студентов приобретает большое значение доброжелательный настрой преподавателя. Неформальная обстановка и демократический стиль преподавания повышают комфортность учебного процесса; тем не менее, по мнению преподавателей, студенты в таких условиях склонны переходить границы рабочего и личного. Несмотря на данное неприятное для

преподавателей обстоятельство, ориентация на студентов и стремление к продуктивному взаимодействию с ними также влияет на удержание значимых позиций в образовательном процессе, так, как и преподавателями, и студен-

тами роль наставника расценена как имеющая ценность и благоприятно сказывающаяся на результатах учебного процесса, качестве и уровне полученных знаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондаренко Л.Ю. Изменения в структуре и социальном статусе преподавателей высшей школы // Социологические исследования. – 2000. – № 10. – С. 125–127.
2. Шамсутдинова И.И. Трансформация статуса и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации (на примере КФУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – №1 (1) – С. 95–98.
3. Дубицкий В.В. О мотивации деятельности преподавателя вуза // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 119–124.
4. Назарова И.Б. Преподаватели экономических дисциплин: профессиональный потенциал, особенности занятости и трудовой мотивации. – М., 2005. – 280 с.

Информация об авторе

Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.
E-mail: 89173914070@mail.ru

Shamsutdinova I.I.

STATUS AND ROLE OF HIGHER SCHOOL TEACHER IN ASSESSMENTS OF TEACHERS AND STUDENTS IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. In modern conditions, associated with the increasing role of digital technologies both in society as a whole and in the system of higher education in particular, the functions and roles of the teacher in the educational process are changing. The participants in this process are both teachers and students, and therefore, in order to study the status-role characteristics of a higher school teacher, it is necessary to take into account the opinions of both sides. With the help of the author's research by surveying students (n=1372) and faculty (n=419) of Kazan (Volga Region) Federal University, both contradictions and general ideas about the status and role of a university teacher in the context of digitalization of education were identified.

Keywords: student, teacher, higher education system.

Literature

1. Bondarenko L.Yu. Changes in the structure and social status of higher school teachers // Sociological research. – 2000. – No. 10. – P.125–127.
2. Shamsutdinova I.I. Transformation of the status and role of a university teacher in the context of digitalization (on the example of KFU) // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2021. – No. 1 (1) – P. 95–98.
3. Dubitsky V.V. On the motivation of the activity of a university teacher // Sociological research. – 2004. – No. 1. – Pp. 119–124.
4. Nazarova I.B. Teachers of economic disciplines: professional potential, features of employment and labor motivation. – M., 2005. – 280 p.

Author

Shamsutdinova Ilsiya Ildusovna, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.
E-mail: 89173914070@mail.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#2 2022 (53)

Подписано в печать 28.04.2022

Дата выхода в свет 28.04.2022

Формат 60 x 84 1/8

Усл. печ. л. 6,51. Тираж 300 экз. Заказ № 56/4.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нухина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28